

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

МОСКОВСКИЙ ЗЛАТОУСТ

ПОВЕСТЬ

*Жизнь, свершения и проповеди святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского**

— Расширяют свои жилища — и производят только более прежнего пустоты. Ходят в дома пира — и возвращаются или с бременем пресыщения или с лютейшим прежнего гладом к сладостям чувств. Велят своей душе почивать на обилии благ земных, но все, что есть плоть, слишком жестоко и грубо для опочивания духа, и на таком одре, по минутной дремоте, он пробуждается с новым каждый раз беспокойством.

На второй день праздника Рождества 1814 года прославившийся как замечательный проповедник тридцатидвухлетний ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет читал проповедь в придворной церкви в присутствии вдовствующей императрицы Марии Феодоровны и братьев императора. Неожиданно проповедь возымела действие, противоположное ожидаемому. Проще говоря, она не понравилась.

Что же возмутило августейших особ? Филарет сравнивал жизнь человеческую с детской игрой, в которой есть важное научение:

* Журнальный вариант. Полностью выходит отдельной книгой в издательстве “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”.

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг прозы: “Похоронный марш”, “Страшный пассажир”, “Державный”, “Русский ураган”, “Поп”, “Есенин” и многих других. Живет в Москве.

— Горе легкомысленным детям, которые не приемлют учения между играми! Орудия игр непрестанно будут у них отнимаемы, а ненавистное учение останется и будет нападать на них с оружием угроз и наказания. Так, если мы, употребляя блага мира, не поспешим уразуметь в них суету суетствий и суету всяческих, то, между тем, как сии тленные блага ежечасно будут исчезать в руках наших, суета будет оставаться в сердце нашем, как терние после цветов, и разнообразные уязвления будет производить крушение духа.

Но главное, что могло не понравиться, это слова проповедника о любви к миру:

— Не будем говорить о той любви к миру, в который и самый мир, согласно с Евангелием, признает вражду против Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требует посторонних обличений. Есть иная любовь к миру, которая, по-видимому, примиряется с любовью к Богу; которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтоб ей не возбранялось принимать жертвы от мира; готова творить дела человеколюбия, только чтобы мир видел и одобрял их; даже любит ходить во храмы богослужения, только чтобы мир за нею последовал. С сей-то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и подвергнуть оную под строгий суд, произносимый Евангелием на всякую любовь мира без исключения: *любь мира сего вражда Богу есть.*

Последние слова взяты были им из соборного послания апостола Иакова, и там сказано еще сильнее и строже, чем произнес это Филарет: “Прелюбодейи и прелюбодейцы, не весте ли, яко любь мира сего вражда Богу есть; иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает” (Иак., IV, 4).

На второй день праздника Рождества вспоминается гонение со стороны Ирода, избившие младенцев. Ирод видел в Иисусе Того, Кто поведет людей от мира к небесам. Филарет оглушил слушателей совершенно неожиданным откровением, что в Ироде “Евангелие обнажает совершенно сие глубокое и крайнее зло любви к миру”. И одержимый этой любовью к миру, Ирод стремился уничтожить Новорожденного.

Присутствующим оставалось либо пропустить все мимо ушей, либо принять к сердцу и возмутиться. Ведь и они сильно любили мир. Да разве и можно иначе? Ведь они же не монахи! Как это так — отсечь любовь к миру?!

Смелость Филарета на сей раз не восхитила людей, а насторожила их против проповедника. Впредь его уже не приглашали произносить слово в придворной церкви.

В начале нового 1815 года его позвали принимать экзамены в Царско-сельский лицей.

Все мы прекрасно помним картину Репина “Пушкин читает стихи на экзамене 8 января 1815 года”. Любой из нас скажет, что на ней изображен юный лицеист, вдохновенно спорхнувший одним крылом, и старый Державин, радостно приподнявшийся из-за стола и вытянувшийся в сторону молодого дарования, чтобы лучше слышать читаемое им. Но не всякий вспомнит сразу, кто еще изображен на этом знаменитом полотне. А между тем, справа от Державина Репин изобразил архимандрита Филарета, лицо которого обращено не к Пушкину, а к зрителю, и лицо это выражает некое недоумение: мол, чему так восхищаются Державин и сидящий справа от Филарета министр народного просвещения Разумовский — Алексей Кириллович вместе со Сперанским подал в свое время мысль о создании Царкосельского лицея, и мало того, он официально именовался главой лицея со званием его главнокомандующего.

Репин мастерски работал на контрасте: радуется Разумовский, ликует Державин, вдохновенно читает свои дивные строки Пушкин... А вот злоредному монаху все сие зело не по душе. Внутри он так и скрежещет, вознепщеваяху и вознегодоваху. Аж позеленел от злости.

На самом деле, нам остается только гадать о том, что испытывал Филарет, слушая стихи Пушкина, читавшего “Воспоминания в Царском Селе”. Слушателей не могла не поразить величавость стихов, сочиненных столь юным дарованием. Что могло не нравиться Филарету? Изобилие античного

язычества. Тут и наяды плескаются, и Элизиум полнощный, и росская Минерва, и Зевс со своим перуном, и чада Беллоны... Он в своих проповедях говорил о том, что Спаситель вел русские полки на врагов, а у Пушкина “потомки грозные славян перуном Зевсовым победу похищали”.

Но его, как поэта, не могло не восхищать все остальное.

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Востал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.*

Вот, и про святой алтарь, слава Богу, сказано. А дальше и о небесном Вседержителе:

*Сразились. — Русский победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучом последним увенчал.*

А каков финал дивного стихотворения! Чудо! Как могло это не нравиться?

*В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.*

Трудно себе представить, чтобы Филарет, сам вдохновенный, сам пылающий, сам — весь поэзия, невзлюбил стихов гениального лицейца! Согрешил Илья Ефимыч, показывая его зеленым от злости, как и во многих своих иных полотнах согрешил великий русский художник!

Смею предположить, что Филарет тогда взял талантливую юношу на заметку. А что? Вырастет, повзрослеет, сделается мудрее, и продолжит дело перевода священных текстов на современный русский язык. Голова кружится от одной только мысли, что если бы Пушкин не погиб в 1837 году, если бы он дождал до преклонных лет и в сии мудрые годы взялся бы за переложение Библии, какой бы перевод мы получили!.. Но, увы...

В конце 1817 года десятитысячным тиражом вышло издание четырех Евангелий с параллельными текстами в переводе священника Герасима Павского, архимандрита Моисея (Богданова-Платонова-Антипова), архимандрита Поликарпа (Гойтанникова) и епископа Филарета (Дроздова).

Вот я держу в своих руках наше домашнее “Святое Евангелие”, Санкт-Петербург, синодальная типография, 1911 год, издание семьдесят пятое. А тогда вышло первое. Библейское общество радостно докладывало: “Евангелие на российском языке, ожидаемое с нетерпением, принято с чрезвычайным удовольствием и умножило еще более желание читать слово Божие... Нельзя не упомянуть здесь о той радости, с какою приемлются единоплемениками нашими сии книги словес Господних на природном, вразумительном для всякого языке, ни изъяснить той пользы, какой от того ожидать можно; таковая польза наиболее предвидится для юношества, которое снабжается сими книгами. Поистине можно сказать, что дело перевода есть величайшее благодеяние для российского народа, издревле наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного, Божественного...”

Но нашлись и весьма рьяные противники нового перевода и, прежде всего, члены патриотического общества “Беседа любителей русского слова” во главе с вождем консервативной мысли в России — вице-адмиралом Александром Семеновичем Шишковым. Сей “муж отечестволюбивый”, бесспорно, является одним из столпов русской культуры XIX века. В молодости бравый моряк, с ранних лет одновременно начавший увлекаться филологией и переводить на русский язык иностранные книги, он был стойким противником засорения русского языка иностранщиной и успешно боролся за сохранение самобытности нашей речи. При императоре Павле он стал не только флотоводцем, но и официальным историком флота. При Александре Шишкова отодвинули молодые реформаторы. Тогда же возникла вражда между ним и Голицыным, которого благопристойный Александр Семенович люто ненавидел как выскочку и фанфарона. В 1803 году Шишков опубликовал свой важнейший труд “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”. В 1805 году вышел в свет его перевод “Слова о полку Игореве”. В 1810-м он создал общество “Беседа любителей русского слова”.

Все мы помним, как озорники, дурачась над стремлением Шишкова находить русскую замену иностранным словам, придумали такую дразнилку: “Хорошилице идет по гульбищу из позорища на ристалище”, что в переводе на иностранные заимствованные слова означало: “Франт идет по бульвару из театра в цирк”. Помним и злые эпиграммы Пушкина на Шишкова. Но если внимательно прочесть шишковское “Рассуждение о старом и новом слоге”, содержащее обширный словарь русских слов, которые Александр Семенович предлагал воскресить, заменяя ими заморские, нетрудно увидеть, как много этих слов Пушкин использовал в своих произведениях, тем самым проведя в жизнь мечты Шишкова! Так что и Александр Семенович приложил руку к созданию русского литературного языка. И даже очень.

В годы патриотического подъема, связанного с войной против Наполеона, Шишков пришелся ко двору и в 1812—1814 годах, когда удалили Сперанского, он занимал пост государственного секретаря, второй по значению в Российской империи после государя. В 1814 году его сменил Алексей Николаевич Оленин, но, оставаясь в госсовете, Александр Семенович продолжал являться одним из влиятельнейших государственных мужей империи.

Когда в 1817 году родилось министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил ненавистный Голицын, Шишков, конечно же, сразу стал яростным врагом этого учреждения. Не переставал он бороться и с Библейским обществом, открыто называя его членов пособниками мирового протестантизма. Голицына он обвинял в упадке нравственности, в разгуле свободомыслия и антиправославного мистицизма. Шишков говорил: “Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращен с истинного пути и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия”. А о переводах Библии на новый язык Александр Семенович отзывался так:

— Это переводы с языка Церкви на язык театра.

Впрочем, главные битвы Шишкова с Библейским обществом еще предстояли, и пока Александр Семенович лишь ворчал, а новое Евангелие расходилось стремительно. В 1818 году вышло второе издание, а в 1819-м — третье, причем уже с приложением “Деяний святых апостолов”.

В 1821 году на Москве встречали нового владыку, коему суждено было надолго стать здешним архипастырем. В воскресенье 3 июля 1821 года, в день перенесения мощей святителя Филиппа Московского, архиепископ Филарет взошел на московскую кафедру.

В год прибытия Филарета Москва только начала расцветать после пожара. Дайте еще годик-другой, чтобы грибоедовский Скалозуб мог остроумно подметить: “По моему суждению, пожар способствовал ей много к украшенью”.

Филарет поселился в Троицком подворье на втором этаже архиерейских палат, его личные покои заняли восточное крыло здания. Обстановка скромная. Такою она и оставалась на протяжении всех лет его здесь обитания.

Пять комнат — гардероб, спальня, кабинет, столовая и молельня. Вселившись, владыка завел распорядок, который не изменялся до конца его земного существования. Рано утром он совершал богослужение в домовый церкви, затем пил чай. Этот напиток всю жизнь помогал ему наполняться бодростью. Он любил его в самых разных видах. В гостях ему обычно подавали три чашки — первую с лимоном, во вторую добавляли вино, третью владыка пил с вареньем. В конце жизни он полюбил пить чай “с миндалем”, то бишь с соком миндального ореха, который назывался миндальным молоком.

На Троицком подворье после чая до двух часов пополудни владыка занимался делами — тщательно знакомился с приходившими на его имя бумагами и давал им дальнейший ход. В два часа подавали обед — немного рыбы, немного хлеба, немного овощей и фруктов, чай. После обеда — отдых, но так Филарет называл час-два спокойного книжного чтения. А затем — снова дела, доклады, переписка. По вторникам и пятницам он работал с двумя vicarями. Кроме всего перечисленного в круг его занятий входило освящение храмов, совершение служб вне дома, подготовка к чтению проповедей, встречи с людьми, экзаменовка воспитанников академий и семинарий, посещение светских училищ.

Так началась его московская жизнь...

В Москве у Филарета появился хороший друг — князь Сергей Михайлович Голицын. Вместе они работали в благотворительных комитетах, архиепископ полюбил бывать в доме Сергея Михайловича на Волхонке, частенько заезжал к нему попить чаю, поговорить о том, о сем. Семейная жизнь у князя не удалась, и теперь он жил вместе со своей сестрой Анастасией Михайловной, скромной и обаятельной женщиной, с которой тоже так нравилось общаться владыке. Князь Голицын помог деньгами, необходимыми для открытия при Чудовом монастыре Попечительства о бедных духовного звания. И впредь всегда охотно открывал свой кошелек для помощи подобным начинаниям Филарета.

Наступил 1824 год. По всей России полетело, трепеща перышками своих крылатых выражений, грибоедовское “Горе от ума”. Прославленный автор “Руслана и Людмилы” в Одессе пытался наставить рога своему начальнику — одному из великих людей России и ровеснику Филарета графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Карамзин готовил в свет одиннадцатый том своей “Истории”, в котором будет о Борисе Годунове, о шатании русского трона, о начале Смутного времени — грозное пророчество о Смуте грядущего года!..

Много стало появляться такого, что русские люди толковали как предвестие грядущих новых бед. В феврале Москва пережила страшную снежную бурю, повалившую множество деревьев и не очень крепких домов. Филарет по этому поводу написал архимандриту Троице-Сергиевой лавры Афанасию: “Между тем и общее время что-то вдрут хмурит брови; кажется, слышится: “Горе живущим на земли!”, а живущие на земли отягчают сердца свои объядением и пьянством...”

Семидесятилетний президент Российской академии наук адмирал Шишков стал министром народного просвещения.

В 1815 году Пушкин писал свою известную эпиграмму “Угрюмых тройка есть певцов — Шихматов, Шаховской, Шишков”. Сейчас во “Втором послании к цензору” Александр Сергеевич иначе написал об Александре Семеновиче и его новом назначении:

*Обдумав, наконец, намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленью восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил...*

Одновременно Шишкова назначили главноуправляющим делами иностранных вероисповеданий. Наконец-то в России началась борьба с иностранным засильем, с раблепным почитанием всего европейского и презрением всего русского. Во главе этой борьбы встал тот, кто еще тринадцать лет назад в своем “Рассуждении о любви к Отечеству” писал: “Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков”. А еще раньше, в своем знаменитом “Рассуждении о старом и новом слоге российского языка”: “Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются, к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оно, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются. Будучи таким образом воспитываемы, едва силой необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или ученом языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные”.

Но он же был не только ненавистником Голицына, но и противником Филарета. Удивительно, как порой бывают врагами люди, коих потомки почитают с одинаковым благоговением!

Шишков яростно выступал против перевода Священного Писания и филаретовских катехизисов. Кстати, в том же году вышел и краткий. Филарет назвал его так: “Начатки христианского учения, или краткая Священная История и краткий Катехизис”, предварив текст эпиграфом из первого соборного послания апостола Петра: “Яко новорождени младенцы, словесное и неслестное млеко возлюбите, яко да о нем возрастете во спасение”. Труд небольшой по объему, но, тем не менее, весьма трудоемкий. Нужно было коротко изложить весь Ветхий и Новый завет, всю историю христианства, дать ответы на главные вопросы, встающие перед христианином. Попробуйте в двадцатистрофном стихотворении изложить содержание “Евгения Онегина”, и вы поймете, что значило написать сей краткий катехизис.

В ноябре Филарет узнал о новых достижениях Шишкова в его борьбе с ним. Новый министр просвещения добился запрета на печатание как большого, так и малого катехизисов, а также потребовал остановки перевода Библии на современный язык и получил одобрение.

Под угрозой оказалось главное дело Московского Златоуста — разъяснение христианского учения пастве. Ему дано было проникать в суть христианских евангельских понятий, и он горел желанием делиться своим пониманием. Он видел, как часто люди, не понимая чего-то в Священном Писании, в некотором роде даже обижаются, если им, как малым детям, дают знать, что им не дано понимать все. Это мало-помалу подтачивает основы веры, а в итоге может привести и вовсе к отращению от Церкви.

Не лучше и то, когда люди начинают по-своему, и зачастую весьма неправильно, толковать непонятные места Библии. Как в случае с “нищими духом” — ничего не читай, ничего не понимай, будь невежествен, вот тебе и нищий духом. Получается, Царствие Небесное наследуют полные невежды и профаны! Еще хуже, когда толкователями становятся руководители тайных обществ, сект, масонских лож. Нет, необходимо было пастырское объяснение, и Филарет считал бы себя преступником, если бы не давал оно.

Почему в советские времена широко не печатались основополагающие политические документы, сочиненные декабристами и явившимися планом их действий? “Русская правда” Пестеля вышла в издании Главного архивного управления СССР “Восстание декабристов. Документы” в 1958 году. Много лет идеологи создавали прекраснородушный образ декабристов. И лишь теперь, когда одна за другой выходят книги, открывающие нам действительные факты, с ужасом понимаешь, что происходило бы в России, если бы господа декабристы осуществили задуманное и если их восстание не было бы подавлено.

Прежде всего, в России вспыхнула бы кровавая межнациональная и межрелигиозная война. Если бы пятеро декабристов не были повешены, а победили, они бы первым делом вырезали всю до единого человека царскую семью, всех царских родственников, включая самых дальних. Даже большевики кое-кого пощадили!

Предусматривалось укрепление русской нации. Но как! Декабристы были даже не предтечами большевиков, они были предтечами нацистов. Всем народам России запрещено было бы впредь иметь свою национальную особенность. А кто не подчинится — вон из страны! О двух миллионах евреев так и было заявлено — не захотят стать русскими, им грозит поголовное выселение в Малую Азию. Вероятно, имелась в виду Палестина, которая была тогда в составе Османской империи. Это означало бы, что как минимум половина этих несчастных евреев была бы уничтожена и по пути, и затем в Турции. Антисемитизм декабристов вылился в дальнейшем в истории восстания Черниговского полка под руководством Муравьева-Апостола, уже после бунта на Сенатской площади, когда восставшие, перепившись, устроили страшный еврейский погром. Пьяные бунтовщики танцевали с трупами убитых ими! И печальная усмешка истории, сохранившей некоторые имена погибших тогда евреев — Бродский, Троцкий, Бейлис...

Та же участь ждала татар, которым запрещалось бы сначала традиционное многоженство, а в дальнейшем и исполнение других мусульманских традиций. Финнам вменялось учить русский язык, а на своем родном разговаривать только дома. Словом, диктатура предусматривалась не только политическая, но и национальная.

Конечно, могут возразить, что главным выразителем этих чудовищных идей был только Пестель, остальные декабристы склонялись к более мягким переустройствам. Но Павел Иванович Пестель недаром считался русским Наполеоном, и вполне возможно, что в случае победы восстания он подмял бы под себя всех остальных. Скорее всего, они его и сдали, опасаясь получить такого монстра в диктаторы. Вот почему он был арестован первым и в самый канун восстания.

Декабристы якобы страдали за крестьян, за народ. Но один из исследователей Оксана Киянская справедливо замечает: “Если бы главной целью декабристов действительно было крестьянское освобождение, то для этого им было вовсе не обязательно, рискуя жизнью, организовывать политический заговор. Им стоило только воспользоваться указом Александра I от 20 февраля 1803 года — указом о вольных землянках. И отпустить на волю собственных крепостных”. Они же и этого не сделали!

Слава Богу, меняется отношение к декабристам. Люди второстепенные, посредственные, не нашедшие применения в государственной службе, чаще всего по недостатку талантов и устремлений к ней, шли в масонские ложи, а через ложи дальше — в революцию, первым этапом которой и стало декабрьское восстание 1825 года. О том, что они собою представляли на самом деле, красноречиво свидетельствует их жизнь в Сибири, где самым ужасным было отсутствие развлечений. Они яростно боролись за то, чтобы им разрешили иметь свой театр, но этим их духовная жизнь и ограничивалась. Вероятно, духовной жизнью в их среде и считались всевозможные увеселения.

Никакой особой каторги, условия приличные, работать по желанию, из России можно было получать значительные суммы денег, еда отменная, вино, а тем, с которыми приехали в Сибирь жены, через два дня на третий можно было сутки проводить со своими благоверными. Затем для женатых были

созданы особливые камеры, весьма роскошные для звания каторжанина. Рояль, кровать, ковры, книжные шкафы, стулья, кресла, обеденный стол...

Всю свою жизнь декабристы посвящали постоянному еще большему смягчению условий своего и без того неплохого существования. В то время, как их сверстники служили Отчизне, воевали, строили, развивали державу, эти неудачники надоедали местной администрацией нескончаемыми жалобами и склоками. О декабристах сурово и точно выразился поэт Петр Андреевич Вяземский: “Ни в одном из них нет и тени раскаяния и сознания, что они затеяли дело безумное, не говорю уже преступное. Они увековечились и окостенели в 14 декабря. Для них и после 30 лет не наступило еще 15 декабря, в которое они могли бы отрезвиться и опомниться”.

Когда государь Александр Освободитель освободил декабристов от необходимости жить в Сибири, они ринулись в заграницы, где не было недостатка в желающих послушать про их нечеловеческие страдания.

Следствие по делу декабристов началось уже 17 декабря 1825 года с учреждением Особого комитета для следствия о тайных обществах. Удивительная усмешка судьбы: вскоре в планах мятежников обнаружались списки предполагаемой революционной директории, и в тех списках рядом с опальным Сперанским значилось имя московского архиепископа! Заговорщики считали Филарета человеком разносторонне развитым и способным принять их “правду”. Учитывали они и то, что он был обижен правительством, что в некоторой степени находился в опале, что запрещены были его труды. Надеялись, что он охотно согласится мстить за нанесенные ему обиды!

Слава Богу, государь Николай Павлович, узнав о том, нисколько не усомнился в том, что сам Филарет ни сном, ни духом не был причастен к замыслам бунтовщиков. Император мгновенно распорядился не вести в отношении Филарета никаких расследований.

В Москву каждый день приходили все новые и новые сведения о подробностях мятежа на Сенатской площади и о начале следствия по делу декабристов. Филарет писал архимандриту Афанасию в Троицу: “Более и более открывается, от каких ужасов и мерзостей избавил нас Бог, укрепив государя в 14 день декабря. Молитесь, чтобы зло сие правдою и мудростью совсем уничтожено было. Но есть люди, которые после бывшего посещения Божию, о котором предварительно говорили, теперь еще говорят о таящемся на нас гневѣ Божиѣ”.

Конечно, московского владыку очень беспокоило, как обойдется новый царь с мятежниками. Найдет ли Николай в себе те душевные христианские силы не мстить, подобно тому, как Александр не мстил Парижу? Но Николай Павлович был истинным христианином и не жаждал мщения. Лично следя за ходом следствия, он старался искать оправданий для бунтовщиков. Он бы и не повесил пятерых, если бы не убийство Милорадовича, совершенное Каховским, если бы не чудовищные планы Пестеля, изложенные в его “Русской правде”, если бы не зверства Черниговского полка, организованные Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, если бы не само восстание в Петербурге, коим руководил Рылеев, и если бы не его же сатанинская ненависть к христианству. К этим пятерым, безусловно, был бы причислен и полковник князь Трубецкой, ведь его декабристы избрали диктатором восстания. Но Сергей Петрович благоразумно не явился на Сенатскую площадь и тем самым спас себе жизнь. Смертную казнь ему царь заменил на пожизненную каторгу.

Наступил 1826-й — год, в который носителю столь прекрасного имени архиепископу Филарету суждено было стать митрополитом Московским и Коломенским. И в этом сане потом провести вторую, большую, часть своей жизни — сорок один год! Дольше него никто не возглавлял московскую паству, ни до, ни после.

В страстной понедельник 12 апреля государь Николай Павлович своим указом запретил деятельность Российского библейского общества. Для всей Русской Церкви и для Филарета в частности это было радостное событие, поскольку оно означало, что власть в России отныне свое христианство ос-

новывает исключительно на православии, а миссионерам от иных конфессий отныне не будет предоставлено свобод для переманивания на свою сторону неустойчивых душ. Вместе с тем, ради такой радости Филарету и его сторонникам приходилось мириться с большой жертвой — не скоро будет дозволено вновь продолжить работу по распространению Библии на современном языке. Но на все Господня воля!

Христианскую аскезу Филарет продолжал проповедовать не только словом, но и образом своей жизни, всегда довольствуясь малым, самым необходимым для дальнейшего существования. Скромный стол, на котором еды и питья ровно столько, сколько утолить голод и жажду, скромное жилье, скромная прислуга.

Летом 1826 года Россия напряженно ждала решения суда по делу декабристов. Филарет, как пастырь добрый, желал бы направить сердце государя к милости падшим. 25 июня в Чудовом монастыре он произнес слово на день рождения императора Николая Павловича, коему исполнилось тридцать лет. Суть проповеди состояла в призыве проявить милосердие. Разумеется, московский архиерей не мог прямо сказать: “Государь, пощади их!”, но он напомнил о том, что высшим судьей остается Господь Бог.

Суд приговорил к смертной казни тридцать шесть декабристов, из коих пятерых — четвертованием, прочих — отсечением головы; семнадцать человек — к политической смерти (то есть к лишению всех прав, включая права на собственность и права быть в браке), шестнадцать — к пожизненной ссылке на каторжные работы, пятерых — к ссылке на десятилетние каторжные работы, пятнадцать человек — к ссылке на шестилетние каторжные работы, пятнадцать — к ссылке на поселение, троих — к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь, одного — к лишению чинов и дворянства и разжалованию в солдаты до выслуги, восьмерых — к лишению чинов с разжалованием в солдаты с выслугой.

Трудно было не содрогнуться при известии о таком решении! Отрубанием тысяч и тысяч голов еще недавно удивили мир французские революционеры. И вот у нас, в России, над тридцатью шестью головами занесен топор. Можно ли поверить?! Не лишним будет заметить, что на четвертовании настаивал не кто иной, как либеральный Сперанский! Знал, что его имя мелькало в списках декабристской директории, хотел доказать, что он тут ни при чем.

10 июля государь подписал указ о смягчении приговора. К смертной казни приговаривались только пятеро, и уже не к четвертованию или обезглавливанию, а к повешению. Остальным тоже по-разному было смягчено наказание. Большую роль в таком смягчении сыграли русские архиереи, включая Филарета.

Николай Павлович короновался вместе со своей супругой Александрой Феодоровной в Успенском соборе Московского Кремля. Он восседал на алмазном троне царя Алексея Михайловича, а императрица — на золотом троне царя Михаила Феодоровича. Священное миропомазание совершалось из крабицы римского императора Августа — сердоликовой чаши, подаренной еще князю Владимиру Мономаху византийским императором Константином. Затем государь поцеловал большой нательный крест Петра I, спасший того от шведской пули на поле Полтавской битвы. После совершения таинства Николай взшел на Красное крыльцо и троекратно поклонился народу, чего не бывало во время предыдущих коронаций.

За коронацией Николая вскоре в тот же день последовало радостное для Филарета объявление о возведении его в сан митрополита Московского и Коломенского. Так, в один день, Николай стал императором, а Филарет — митрополитом! Очень хороший знак!

Но и на том его радости не завершились: Николай пожаловал новому митрополиту белый клубок с крестом, усыпанным драгоценными камнями, а также — средства на постройку нового корпуса Вифанской семинарии, тем самым почтив и память незабвенного митрополита Платона, чьим детищем являлась эта семинария.

Вечером вся Москва была великолепно освещена, в особенности Кремль. Все башни и колокольня Ивана Великого горели ярким пламенем; зубцы стен обвиты огненными полосами, а по оградкам сверкали широкие узорчатые каймы. И в следующие дни иллюминацию несколько раз повторяли. Вечером 27 августа состоялся бал в Грановитой палате, 1 сентября в Большом театре прошел придворный маскарад, 3 сентября государю дало бал московское купечество.

Филарета в эти дни всенародных торжеств ожидала еще одна радость. В августе сразу после коронации состоялось в Москве заседание Святейшего Синода, на котором он осмелился вновь поставить вопрос о переводе Библии. Митрополит Серафим ответил решительным отказом, его поддержал и митрополит Евгений. Но прошло две недели, и они, с согласия государя, решили поддержать нового Московского митрополита в другом — Филарет получил указ Синода: “Поручить Вашему Преосвященству, дабы Вы, пересмотрев составленные Вами прежде сего Пространный и Краткий христианские катехизисы Греко-Российской Церкви, составили из них две книги”. Это был прорыв блокады! Его катехизисы более не запрещены! Можно было временно забыть о запрете на перевод Библии.

Царь продолжал рассыпать милости. Следом за Филаретом он обласкал его давнего знакомого — поэта Пушкина. Того, у которого некогда Филарет принимал экзамены. Теперь это был известный на всю Россию автор стихов, поэм “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, уже вышла первая глава романа в стихах “Евгений Онегин”, а всего написаны шесть глав. Александр Сергеевич был срочно вызван из села Михайловского, где отбывал ссылку. Три дня и три ночи он без отдыха трясяся в коляске и 8 сентября добрался до Москвы. Усталого, немывтого и небритого, его доставили в Чудов монастырь в кабинет к государю. В кармане — стихотворение “Пророк”. Два часа они беседовали, после чего, неожиданно для очень многих, расстались друзьями. С поэта была снята опала. Царь пообещал быть его личным цензором.

— Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин, — сказал Николай на прощанье дружеским тоном. А вскоре на балу у французского посла похвастался Блудову:

— Знаешь, я нынче долго разговаривал с умнейшим человеком в России. Угадай, с кем? С Пушкиным.

*Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?*

Так через пару лет вспомнит эту встречу Александр Сергеевич.

Возвращение Пушкина стало столь громким событием, что не могло не вызывать ревность у других событий тех коронационных дней. О Пушкине судачили куда больше, чем о том, что сорокатрехлетний архиепископ Филарет сделался митрополитом. Было от чего затаить обиду. Но Московский Златоуст прекрасно знал нравы света и способен был прощать такое детское отношение к жизни, как к игрушке. Да и может ли монах быть честолюбцем!

12 сентября уже в сане митрополита Филарет освящал храм Живоначальной Троицы у Покровских ворот и свою проповедь посвятил весьма важному спору с теми, кто говорит: “Мой храм в моей душе, а посему я не хожу в церковь”. Филарет утверждал, что невозможно войти в храм небесный, где воистину обитает Господь, не посещая храмы земные, в которых совершаются таинства.

Итак, Николаевская эпоха началась. В России стал править четвертый государь, при котором довелось жить Василию Дроздову — святителю Филарету Московскому.

Какое блаженство услышать тишину после того, как отгремят шумные многодневные праздники! Аж в ушах звенит, до того стало тихо. Боже, как

хорошо! Река жизни, все эти дни кипевшая и выплескивавшаяся из своих берегов, вновь вошла в привычное русло, обрела спокойное течение.

Отныне он митрополит.

Многое ли от того менялось? Положение в обществе — да. Теперь он на равных с Петербургским Серафимом и Киевским Евгением. Как архиепископа его величали преосвященнейшим владыкой, как митрополита отныне стали величать высокопреосвященнейшим. И так было длинно, а теперь еще на шесть букв длиннее.

Но в расписании жизни — почти ничего не меняется.

А в Москве — золотая осень. На Самотеке утопает в роскоши осенней листвы Троицкое подворье. От шелеста сухих листьев тишина становится еще более упоительной...

Сколько дел приходилось откладывать в течение июля, августа и сентября! Теперь можно было вернуться к ним и наверстать упущенное.

Встав затемно, в пять утра, владыка Филарет неспешно читал утреннее молитвенное правило. Затем, если не надобно было проводить богослужение в каком-нибудь из московских храмов, отправлялся в домовую церковь и там совершал раннюю литургию. Легкий завтрак, и — за дела. Секретарь Александр Петрович докладывал о поступивших документах, а Филарет диктовал ему, что нужно ответить, или откладывал бумаги для обдумывания и последующего решения.

Святославский старательно зачитывал пришедшие из консистории постановления: в такой-то семинарии устрожить борьбу с распространением пагубной привычки к курению табака; такую-то блудную жену развести с несчастным мужем, мужу разрешить вступить в другой брак, а жене семь лет исповедоваться по четыре раза в год и не причащаться; такого-то священника за драку внутри храма с пономарем оштрафовать, а пономаря отослать в монастырь; такого-то попа за буйство нрава и чтение молитв о здравии декабристов подвергнуть лишению сана...

Надобно было дать делу архиерейское одобрение или отложить до полного разбирательства, если приводилось недостаточно “улик”. И тому подобное. И так до обеда. Пообедав, читал книги и газеты, узнавал, что творится в дальнем мире. Чаще всего сам, но зрение стало ухудшаться, и иногда ему уже читал вслух Александр Петрович. Затем до самого ужина — прием посетителей. Вечером после ужина владыка вновь садился за бумаги, нужно было отвечать на письма, обдумывать и записывать новые проповеди. Наступала полночь, а в окошке его кабинета все еще горела свеча. Лишь в час ночи Филарет совершал вечерние молитвы и ложился спать, чтобы через четыре часа проснуться и становиться на утреннее молитвенное правило.

В 1827 году исполнялось пятнадцать лет Отечественной войне и изгнанию Наполеона. Новый император мечтал со своей стороны почтить память той победы. Обветшавшие Триумфальные ворота, деревянные, поставленные на площади Тверской заставы в 1814 году, он приказал разобрать и на их месте спроектировать новые, каменные. А еще во время коронационных торжеств царь ознакомился с тем, как движется строительство храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, и остался весьма и весьма недоволен. За почти десять лет там ничего не сдвинулось с места. Храм был заложен в 1817 году, но архитектор Витберг продолжал разрабатывать экономический проект строительства, в соответствии с которым на занятые в опекуновском совете десять миллионов рублей предполагалось купить восемнадцать тысяч помещичьих крестьян с землей в Московской и близлежащих губерниях. Заработанные этими крестьянами деньги должны были поступать в казну, а та отпускала бы их на строительство храма. Кроме того, часть этих же крестьян предполагалось использовать на работах по возведению храма. А для доставки камня, найденного Витбергом в Верейском и Рузском районах Подмоскovie, требовалось наладить судоходство. Однако Витберг оказался не лучшим руководителем, и многое из задуманного у него не получилось. Крестьян кушили, камень стали заготавливать, но доставлять его до места строительства так и не смогли. Триста тысяч рублей вообще оказались неизвестно где. История стара, как мир, и там, где большие

денги, там и большие хищения. А в 1825 году Витберг лишился своего главного покровителя и крестного — императора Александра.

Узнав о неудачах первых лет строительства, новый государь приказал работы приостановить и 16 апреля 1827 года учредил так называемый “Искусственный комитет” под руководством инженер-генерала Карла Ивановича Оппермана, в который вошли видные архитекторы и инженеры — Александр Алексеевич и Андрей Алексеевич Михайловы, Август Августович Монферран, Василий Петрович Стасов, Карл Иванович Росси и другие. Все они признали работу неудовлетворительной, царь велел полностью свернуть строительство на Воробьевых горах, и без того находившееся в зачаточном состоянии, а против Витберга началось следствие.

С этого времени митрополит Филарет стал уделять все больше и больше внимания проектам будущего храма.

Проповеди Филарета никогда не бывали случайными, он откликался в них на все бродившие в обществе идеи, на все завихрения умов. Разгорелись споры о том, что существование человечества само по себе греховно, а потому не нужно и детей рождать, чтобы не размножать грех, и в день рождения государя в Успенском соборе Кремля митрополит Филарет читал проповедь, но не о Николае, а о благословенном рождении детей вообще. С одной оговоркой: “...желающие иметь достойных детей благоразумно поступят, если предварительно самих себя сделают достойными родителями”.

Не умолкают речи о свободе человека, о необходимости бороться со всяким рабством. Немало таких, которые морщатся при слова “раб Божий”: “Я ничей не раб!”

И Филарет в Троице-Сергиевой лавре говорит о благом иге Христовом. Тот, кто не хочет именоваться рабом Божиим, легко становится рабом страстей, честолюбия, гордыни, людских мимолетных мнений, моды, завиральных идей.

— Слышим еще и ныне жалобу, на которую так давно уже отвечивал Божественный Учитель и Спаситель душ, — жалобу на тягость ига Его, на строгость Его учения, на трудности исполнять Его заповеди. На чем же основывается сия жалоба? В чем состоит сия трудность? — без сомнения, в том наиболее, что учение Христова повелевает человеку идти против некоторых естественных склонностей, преодолевать их, умерщвлять, приносить в жертву... Истина не запирается, что она дает людям заповеди, не так легкие, как игрушки, но так тяжелые, как иго, коим обременяют работный скот... Люди, сколько-нибудь благоразумные и не совсем низкие в чувствованиях, конечно, не решатся объявить требование на то, чтобы всегда быть и оставаться только детьми, вечно заниматься только игрушками... Иго Христово благо, и бремя легко, потому что чем охотнее человек несет оное, тем более сам становится благим... тем легче для него становится исполнять благие заповеди, так что, наконец, он творит волю Господню с большею легкостью и удовольствием, нежели собственную, и таким образом иго на раменах его совсем исчезает или превращается в крылья, которые непрестанно несут его на небо.

Не умолкают речи о славе человека, о том, что нужно всеми мыслимыми и немыслимыми путями добиваться этой славы. Бесславный конец — что может быть хуже. Не прославиться — все равно, что и не жить на свете.

И Филарет там же, при гробе преподобного Сергия в день рождения императрицы Александра Феодоровны читает проповедь, основанную на словах Спасителя из Евангелия от Матфея: “Туне приясте, туне дадите” (Мф. X, 8), что означает в переводе на современный язык: “Даром получили, даром давайте”. Слава — та же корысть.

— Бескорыстен наставник, который в преподавании, наставлении и руководствовании послушника ищет только блага его, а не благодарности, спасения, уважения... Старайтесь не быть своекорыстны в делах ваших, чтобы всеблагий Бог умножил вам свою бескорыстную благодать. Не все для своей выгоды или чести, не все для награды; делайте что-нибудь доброе для самого добра, для любви к ближнему, для исполнения воли Божией... Не увлекайтесь потоком суеты, не сообразуйтесь веку сему.

В жизни митрополита Филарета много значили трое Голицыных. Первый — Александр Николаевич. Он связан с петербургским периодом жизни святителя. Двое других — с московским. Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын четверть века являлся военным генерал-губернатором Москвы, первым лицом в первопрестольной. С ним Филарету приходилось много общаться по московским делам. Отношения у них были самые хорошие, хотя иной раз архиерею приходилось идти наперекор делам градоначальника. Например, в октябре 1829 года, находясь в Петербурге, Филарет узнал о затее Дмитрия Владимировича устроить к Рождеству в большой восковой галерее сцены из Ветхого и Нового завета и тотчас направил ему возмущенное письмо: “Если выставление священных и Божественных предметов на позорище для суетного любопытства противно чувству благочестия, то выставление оных, так сказать, на одной доске с предметами низкими, презрительными и отвратительными противно всякому чувству приличия”. И градоначальнику приходилось мириться с мнениями владыки.

Но самым душевным другом в Москве у Филарета оставался князь Сергей Михайлович Голицын, добрейший человек, добропорядочный христианин, умница. Он был на восемь лет старше владыки, восторгался его проповедями и с первых дней Филарета в Москве стал его опекать. Сергей Михайлович был весьма богат, дослужился до чина действительного тайного советника первого класса, удостоился всех высших орденов Российской империи... но в личной жизни несчастлив. В год рождения Пушкина Голицын женился на Евдокии Измайловой, считавшейся красивейшей женщиной России. Она и впрямь была очень хороша собой, блистала умом, образованностью, но при том бравировала излишней свободой поведения. Восемнадцатилетний пламенный Пушкин влюбился в тридцатисемилетнюю Евдокию Ивановну и посвятил ей одно из остроумнейших своих стихотворений:

*Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.*

Причем Пушкин и в черновом и в чистовом вариантах этого стихотворения написал “Галлицыну”, обыгрывая слово “галл” и тем самым намекая на то, что La Princesse Nocturne владела французским лучше кого бы то ни было.

Гадалка Ленорман предсказала ей смерть ночью, и Евдокия Ивановна полностью перешла на ночной образ жизни. От заката до рассвета в ее доме устраивались шумные вечеринки, за которые красотку прозвали Принцессой Ночи — La Princesse Nocturne. Впрочем, это было уже в Петербурге и после развода с Сергеем Михайловичем, который состоялся в 1809 году, да и не мог не состояться, если учесть, что супруги прожили всего несколько дней после свадьбы, молодая жена сбежала за границу и больше муж ее не видел. Известный всему Петербургу салон Принцессы Ночи располагался на Миллионной улице.

А брошенный супруг проживал в Москве на Волхонке в роскошнейшем особняке. Сейчас в нем размещаются высший институт управления и институт философии Российской академии наук — Волхонка, 14, в непосредственной близости с Музеем изобразительных искусств.

Сергей Михайлович Голицын занимал в Москве множество должностей — и почетный опекун Воспитательного дома и Московского опекунского совета, и член Совета при Московском училище Святой Екатерины, и управляющий Александровским училищем, и главный директор Голицынской больницы, и президент Московского попечительного комитета, и вице-президент Московского попечительного комитета о тюрьмах. В 1830 году он стал председателем Московского опекунского совета и попечителем Московского учебного округа.

Зимой в доме на Волхонке давали праздничный рождественский вечер. Среди гостей выделялась дочь покойного фельдмаршала Кутузова Елизавета Михайловна, в замужестве Хитрово, генеральша, держательница модного петербургского салона. Петр Андреевич Вяземский писал о ней: “В летописях Петербургского общежития имя ее осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет”. А выделялась она, как всегда, своими смелыми декольте, за которые еще смолоду получила прозвище “Лиза Голенькая”. Теперь они совсем не шли к ее возрасту — Елизавете Михайловне было уже под пятьдесят. Особенно неприятно было на это взирать лицам духовного звания. Филарет едва мог скрыть отвращение.

Кроме своих декольте Лиза Голенькая свалилась тем, что как девочка влюбилась в Пушкина и пыталась его соблазнить, а он жег ее страстные письма, не читая. Ей все же удалось добиться если не любви, то дружбы и расположения поэта. Теперь Александр Сергеевич жил в Петербурге. Вести о нем приходили и хорошие, и не самые приятные. Вышли в свет упоительные новые главы “Евгения Онегина”. В прошлом году Пушкин геройски участвовал в походе русской армии на Эрзерум. Написал поэму “Полтава”. Издал свое собрание стихотворений. Но вместе с тем разразился безобразный скандал с его скабрезной поэмой “Гавриилиада”, чудовищно кощунственной. Написанная еще в 1821 году, она распространялась в списках без имени автора. Теперь авторство было установлено, и Пушкин сам признался о том государю в письме от 2 октября 1828 года: “Будучи вопрошаемым правительством, я не почитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, как и преступной, — но теперь, вопрошаемый прямо от лица моего государя, объявляю, что “Гавриилиада” сочинена мною...” Оставалось лишь уповать на то, что теперь поэт не лукавя считал шалость “постыдной и преступной”, что он искренне раскаивался в написании гнуснейших стихов, не достойных его пера.

И вот генеральша Хитрово привезла в дом на Волхонке свежий номер “Северных цветов” с новыми стихами Пушкина. Раскрыв альманах, она с восторгом стала читать гостям Сергея Михайловича:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Эти стихи были написаны Александром Сергеевичем в день его рождения в 1828 году, но лишь теперь вышли в свет. Слушая горестные строки, Филарет ужаснулся бездонной глубине отчаяния и безверия, распахнувшейся пред ним. Выпросив экземпляр альманаха, он приехал вечером на Троицкое подворье и тотчас сел за перо. Привыкший проповедями исправлять людей, святитель принялся исправлять поэзию Пушкина:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забытый мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум.*

Вскоре стихотворный ответ Московского митрополита полетел на берега Невы. Филарет мог лично привезти его в Петербург, отправившись на зимнюю сессию Святейшего Синода. Но он поручил это сделать все той же Хитрово.

Стихотворение “Не напрасно, не случайно...” получил совсем новый Пушкин, не тот, который писал “Дар напрасный”. Тогда, в конце двадцатых годов, возвращенный из ссылки Николаем I, он оказался в петербургском свете, окунулся в его суету, и ужаснулся не только самой этой суете, но и своей собственной сопричастности ей. Прошло время, Александр Сергеевич впервые по-настоящему полюбил, душа его открылась и засияла по-новому. Он побывал в действующей армии, увидел победоносную доблесть русского солдата, сам рвался в бой и осознал его упоение. В наступившем 1830 году он готовился к свадьбе с Натальей Николаевной Гончаровой. Сей год станет годом Болдинской осени, но уже сейчас, в январе, из-под пера гения одно за другим выходили стихи, свидетельствующие о новом великом приливе его творчества. Он пишет:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом...*

Он пишет:

*Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем...*

Он пишет:

*Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый.
Здесь речи — лед, сердца — гранит...*

И вот из этой самой Москвы, куда душа его летит, ему весточка. Да от кого! От самого владыки Московского!

Если бы он получил письмо Филарета в ту пору, когда сочинял “Гавриллиаду”, можно только с ужасом вообразить, какая умешка, какая гримаса исказила бы его рот. Но Пушкин в свои тридцать лет — это уже именно тот гений, коим мы по праву можем и обязаны гордиться. Сейчас это и впрямь уже “умнейший человек России”. Он потрясен ответом святителя Филарета. Быть может, он даже целует бумагу, на которой светятся начертанные владыкой буквы. И в воскресенье 19 января 1830 года он садится писать ответное стихотворение:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

Свое творчество он назвал лирой, Филаретово — арфой!

Позднее, публикуя эти стансы 12 февраля в “Литературной газете”, Пушкин переделает последнюю строку, уйдя от определенного образа митрополита Филарета к обобщенному образу некоего серафима, с маленькой буквы:

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Но в тот воскресный день он писал именно адресату — Филарету Московскому.

И главное, в чем признается царь русской поэзии, что его душа “отвергла мрак земных сует”.

С этой очищенной душой он в марте отправится в Москву. 6 мая состоялась его помолвка с Натальей Николаевной, которой он пишет в это время:

*Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...*

*Кляню коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.*

В своем духовном прозрении Пушкин расстается с грешным прошлым. Он мечтает впредь сделаться верным мужем, избавиться от пагубного донжуанства. Не менее важно и то, что он вскоре произносит анафему безбожной толпе, анафему гордыне, анафему жажде славы. Эта анафема — в одном из самых лучших и главных его стихотворений:

*Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.*

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,*

*Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

*Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?*

*Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.*

Пушкин в Петербурге, Филарет в Москве. Филарет приехал в Петербург, Пушкин уехал в Москву. Филарет вернулся в Москву, Пушкин вернулся в Петербург. Будто судьба нарочно разводит их друг с другом. Но в сей год между ними — тесная духовная связь. “Твоим огнем душа согрета...”

И не будет преувеличением сказать, что на огне Филарета в сей год выпекался пирог, который мы все знаем под наименованием “Болдинская осень”. Московский Златоуст вдохнул в душу царя поэтов новую жизнь.

В мае митрополит вернулся к своей московской пастве и по сему случаю обозначил проповедью “На день обретения мощей иже во святых отца нашего Алексия митрополита Московского и всея России чудотворца”. По сути это довольно пространная лекция о божественном происхождении всей природы. А закончил ее благословением Москве:

— Сам благочестивейший император посылает чрез мою мерность слово его высокого благоволения, привета, любви доброй Москве. Доброй Москве!.. примите сию добрую весть, понесите ее их дома в дом, со стогны на стогну; пусть она выйдет и за врата обширного града; пусть пройдет по селам и градам, ближним и дальним...

А в это время по селам и градам, ближним и дальним, пошла не только благая весть Филарета, но и одна весьма неприятная путешественница. Иран отомстил нам за унижение коварным образом — из него на Русь пришла холера. В июле она уже гостила в Грузии, вскоре явилась в Астрахани и там особо свирепствовала, в августе ее встречали Царицын и Саратов, а затем и все Поволжье. В начале сентября Пушкин приехал в Болдино и оказался в плену у холеры: “У нас в окрестностях — Cholera morbus (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать!” — в отчаянии написал он невесте, но еще не знал, что холерный карантин продержит его в плену не двадцать, а более восьмидесяти дней, коим мы обязаны тем, что имеем несравненные шедевры русской литературы — “Выстрел”, “Метель”, “Гробовщик”, “Станционный смотритель”, “Барышня-крестьянка”, “Домик в Коломне”, “Скупой рыцарь”, “Моцарт и Сальери”, “История села Горюхина”, “Каменный гость”, “Пир во время чумы”, “Герой”, “Моя родословная”... Вот сколько всего заставила написать Пушкина “очень миленькая особа” холера морбус!

В Москву сия незваная гостья пожаловала еще в первых числах сентября, но официально ее визит значился с 16-го числа. Московский архиерей, как и подобает священнику и проповеднику, видел причину морового поветрия в новых заблуждениях соотечественников — слишком многие из них радостно встречали из Европы известия о новых революциях, во Франции вновь произошло падение династии Бурбонов, и в других странах вмиг запылали свободолюбивые сердца. Еще в слове на день рождения императора Николая, произнесенном в Успенском соборе Кремля 25 июня 1830 года, он призывал:

— Братия! В наши дни есть особенная надобность указывать на столь очевидную обязанность служения Богу и Его Царствию. *Се тьма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис. LX. 2). Народы христианские, или, чтобы говорить определеннее, люди, которым поущено быть языком сих народов, представителями и провозгласителями их мудрования, направителями их деятельности, большею частию не то что не знают, но что гораздо хуже, не хотят знать христианства; царства земные не ищут, не призывают Царствия

Божия и менее обращают внимания на оное, нежели на царство последнего из соседей... Сии строители нового Вавилона трудятся для того, чтобы все привести в смешение, чтобы, опровергнув принятые общественные понятия, утвержденные на самой истине вещей или упроченные обычаем и древностью, кончить тем, чтобы не понимать друг друга. Они хотят царей, не освященных Царем царствующих; правителей, поработанных своим подданным; напротив того — приписывают царскую и самодержавную власть народу, то есть рукам и ногам предоставляют власть головы; народ у них царствует мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами; и достойный сего мнимого самодержавия народного плод есть отсутствие общественной и частной безопасности. Так *шатаются языцы*, потому что *поучаются тщетным*; потому что в своих неблагоприятных сборищах *собираются на Господа и Христа Его*.

Итак, с 16 сентября Москва тоже сделалась холерным городом. Улицы, площади и дворы заволкло дымом — всюду жгли костры из листьев и всего, что дает больше дыму. Считалось, что это хоть как-то, но спасает от распространения болезни. Стали говорить, что не нужно ходить в храмы и собираться там для общей молитвы. 17 сентября Филарет писал в письме своему викарию Игнатию: “Напрасно более бояться молитвы, нежели болезни. Неужели молитва вреднее болезни? Пережив три холеры прежде нынешней, я видел довольно опытов, что где усиливалась молитва, там болезнь ослабевала и прекращалась”.

Вскоре прошел слух, что сам государь едет в Москву. А в седьмом номере “Ведомости о состоянии города Москвы” опубликовали письмо императора к генерал-губернатору Голицыну, где было четко сказано: “Я приеду делить с Вами опасности и труды. Преданность в волю Божию! Я одобряю все Ваши меры. Поблагодарите от меня всех, кои помогают Вам своими трудами”. В комментарии к письму говорилось: “Европа удивлялась Екатерине II, которая привила себе оспу в ободрительный пример для наших отцов. Что скажет она теперь, когда услышит о готовности Николая делить такие труды и опасности наравне со всеми своими подданными”. Вечером 28 сентября император приехал, “как рыцарь без страха и упрека явился в своей первопрестольной столице. Родительское сердце не утерпело!”

Встретившись с Филаретом, Николай первым делом спросил:

— Не вредно ли, владыка, что ты собираешь массы народа и становишь их на коленопреклоненную молитву на сырой земле?

— Ваше величество, — ответил митрополит, — Господь оправдал церковное действие по крайней мере против сего сомнения. Число заболевших после крестных ходов не больше, а несколько меньше, нежели во дни прежде крестных ходов.

Утром 29 сентября царь вышел к народу возле Иверской часовни и повел своих подданных в Кремль, где помазанника встречал святитель на ступенях Успенского собора с такими словами:

— Благочестивейший государь! Цари обыкновенно любят являться царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас как царь подвигов, чтобы опасности с народом твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца твоего и милосердо хранит тебя, государь, да идет с тобою воскресение и жизнь!

В то время распространились воспоминания Бурьена, личного секретаря Наполеона, в которых, в частности, рассказывалось о том, как Бонапарт в Яффе посетил чумной барак и пожимал руки своим солдатам, прежде чем отдать приказ врачам дать им яду, чтобы они не мучились от страшной болезни, а главное, в виду того, что к Яффе приближался неприятель. Восторженные поклонники Наполеона наперебой повторяли этот эпизод из жизни своего кумира, соотнося его с нынешней заразой в Москве и приездом государя в холерный город. Но уже имелись сведения о том, что воспоминания Бурьена — подделка. “Как же так? Ведь Бурьен еще жив!” — спорили восторженные. “Жив, но давно уже в доме для умалишенных и ничего не спо-

собен написать, — отвечали скептики. — Так что ваш Бурьен на поверку — Лжебурьен!” Действительно ли Наполеон посещал чумной барак, так и осталось неизвестно. А вот посещение Николаем холерной Москвы — неоспоримо.

Пушкин, сидя в Болдине в карантине, написал великолепное стихотворение, в котором спорил со скептиками:

*Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угрождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...*

У этого шедевра есть четко проставленная дата: “29 сентября 1830 года”. Такое впечатление, будто поэт посмотрел по телевизору трансляцию из Московского Кремля и бросился к письменному столу. Такое впечатление, будто он страстно говорил не только о Наполеоне, но и о русском царе. А может быть, и так. Может быть, Пушкин написал эти строки позже, узнав о приезде государя в Москву. А дату поставил, чтобы не слишком посмеивались над его преданностью к Николаю. Вероятно, и в Болдине кто-то посмеивался: “Знаем, знаем, как он там среди холерных... Небось прикасаться ко всему боится!” Вот Александр Сергеевич и ответил им. Впрочем, это лишь предположение. Вернемся из Болдина в Москву.

Государя сильно волновал вопрос о мерах предосторожности, кои должно принимать. Не случайно он первым делом спросил Филарета о всенародных молебнах. И получил твердое уверение святителя в том, что когда речь идет о церковной соборности, одухотворенной истинной верою, меры предосторожности излишни. Особенно могло внушать опасение таинство причастия, когда все подходят к священным сосудам и причащаются от одной ложки. И тут Филарет заверил царя, что никаких случаев заражения после причастия не наблюдается.

Невольно вспоминаются недавние события, когда по миру прокатилась волна так называемого “свиного гриппа”. В западной христианской Церкви, где в последние времена и так-то не очень причащаются, вышли строгие запреты на причастие во время эпидемии. Православная Церковь осталась тверда, никаких запретов, и в наших храмах число причащающихся нисколько не убавилось.

Осенью 1830 года причастников стало во много раз больше, нежели доселе. Люди строго постились, как во время Великого поста, исповедовались, раскаиваясь во всех своих грехах, как пред кончиной, и причащались с особенно распахнутыми сердцами. И причастники не заражались! В одном из своих многочисленных распорядительных документов, выпущенных во время холеры, Филарет писал: “В церковных поучениях с соблюдением приличия, упоминая, что праведный Бог послал сию губительную болезнь в наказание за грехи наши, возбуждать народ к молитве, покаянию, исправлению жития и к укреплению и освящению себя причащением святых Христовых Таин, что в самой Москве уже исполняется православными чадами Церкви с самого появления болезни донныне; кажется, и начинает здесь являться настоящее милосердие Божие в уменьшении числа занемогавших и силы болезни”.

Увы, но чаша гнева Божьего еще не излилась полностью. Холера только усиливалась. К концу октября ежедневно умирало уже полторы сотни человек. Тяжело было видеть, как в иных богатых домах продолжается веселье, с объядением и пьянством. Освящая восстановленную церковь Троицы в странноприимном доме графа Шереметьева, 26 октября Филарет призывал беспечных богачей опомниться и тратить свои деньги не на балы и ужины, а на помощь в борьбе с губительным поветрием. Филарет учредил Московский архиерейский временный комитет помощи нуждающимся. Са-

мыми большими пожертвованиями во время эпидемии отличились император Николай Павлович, дворяне Голицыны, Шереметевы, Самарины, Пашковы, купцы Аксеновы, Лепешкины, Рыбниковы. Но и от монастырей по требованию Филарета поступало много жертвований.

Много приходилось посылать распоряжений по приходам, чтобы священники не ленились постоянно внушать народу о необходимости соблюдения мер предосторожности. Холерные бунты нередко возбуждались следующим образом: возле дома, где проявилась холера, стоят полицейские, дабы не впускать никого в сей дом; приходят родственники в гости и начинают возмущаться, что их не пускают проведать дорогих сердцу людей, возмущение перерастает в склоку, полицейским приходится применить силу, и тут вся улица выходит заступиться, но не за представителей власти, которых у нас в России всегда не уважают, такой уж в нашем народе *ндрав!* Или такие уж у нас представители власти, что их вечно недопонимают...

“Не любит она (холера) ни излишней дерзости, ни излишней робости, особенно невоздержания; следственно, учит осторожности, воздержанию, упованию на Провидение Божие”, — писал митрополит Филарет епископу Екатеринбургскому Гавриилу (Розанову).

Да, прежде всего он звал к покаянию, молитве, причастию, но проповедовал не только это, но и чисто медицинские способы борьбы с болезнью. Всюду, куда только можно, посылал рецепты. Матушке своей в Коломну еще 27 сентября 1830 года писал следующее: “Здравия вам, милостивая государыня матушка, и всему семейству. Желаю знать о вашем здравии. Я здоров, и у меня в доме благополучно. В городе же есть несколько больных и умирающих опасною болезнью. Посылаю некоторые записки о предосторожностях: *Способ очищать воздух в покоях*: насыпать в порошок 1 фунт хлоровой извести, 12 фунтов или три штофа воды и смешав сей состав деревянную палкою, дать ему постоять полчаса, дабы он мог отстояться, а потом отделив верхнюю часть сего раствора хлоровой извести...” — и так далее, подробнейшее описание, что нужно делать помимо молитв и постов. Вред хлорки на организм человека и животных уже был известен и в то время, а посему предписывалось во время опрыскивания хлоркой на несколько часов удалять из помещения людей и всякую живность.

Немало было весьма неприятных случаев, когда излишне ревностные христиане или раскольники находили в происходящем чересчур грозные знамения Божии, грешным делом начинали вопить о наступлении Страшного Суда, а карантинный билет называли печатью антихриста. Горько было Филарету слышать, что особенно взялись за разжигание подобной смуты старообрядцы в его родной Коломне. “Болезненно, между прочим, слышать, что раскольники, рассеивая лжеучение, в подкрепление своих мнений, недостойнство православных священников стараются доказать тем, что они ничему не учат в настоящее время, — писал Московский митрополит в очередном своем указательном воззвании. — И в отечестве нашем была заразительная болезнь в 1771 году, и тогда употреблялись карантинные предосторожности, по необходимости причинявшие некоторые затруднения народу; всякий видит, что то не было антихристово время, ибо время бедствия по благодати Божией прошло и никакого антихриста не явилось...”

В начале декабря эпидемия закончилась.

Вскоре в Москве прискакал Пушкин с целым ворохом новых произведений, с душой, согретой лирой Филарета, с желанием поскорее начать приготовления к женитьбе на Наталье Николаевне.

Свадьба эта состоялась 18 февраля 1831 года в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. Митрополит Филарет находился в Петербурге на очередной сессии Святейшего Синода. Да и мог ли бы он венчать Пушкина? Хочется думать, что да, будь он в Москве, ни кто иной как он совершил бы таинство бракосочетания. Было бы хуже знать, что Филарет находился в Москве и не присутствовал на столь важном событии в жизни столь важного человека России. Впрочем, некое касательство к этому венчанию имел и Филарет. Известно, что он запретил совершать таинство венчания Пушкина и Гончаровой в домово́й церкви князя Сергея Михайловича Голицына и на-

стоял, чтобы это произошло в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. Сам Пушкин потом отметил в этом руку Провидения — ведь он сам родился в день праздника Вознесения Господня.

Россия гораздо больше внимания, нежели свадьбе Пушкина, уделяла иным событиям, развернувшимся в 1831 году. Накануне восстала Польша, из Варшавы с треском прогнали великого князя Константина Павловича, с трудом сумевшего вывести русские войска и отступить с ними за границы Польского королевства. Фельдмаршала Ивана Ивановича Дибича назначили главнокомандующим армией для подавления польского восстания. Император посоветовал полякам уговориться. В ответ на это сейм лишил его польского престола. По всей Польше развернулось преследование и травля диссидентов, как в католицизме именуют жителей католических стран, придерживающихся православного вероисповедания. 18 января русская армия вошла в Польшу, 7 февраля доблестный Иван Иванович разбил поляков у Вавра и приблизился к Варшаве, на подступах к польской столице при Грохове состоялось крупное сражение. Наши войска потеряли десять тысяч человек, польские — двенадцать тысяч и отступили к самой Варшаве.

А в самой России множество развелось либералов, улюлюкавших:

— Царь — жандарм! Душителъ свобод! Европа должна прийти на помощь многострадальной Польше!

Соответственно, началась слежка за распространителями либеральных и полонофильских идей. Среди ревнителей русского самодержавия, как всегда, находилось и немало таких, кто, обжегшись на молоке, дули на воду. В январе 1831 года император получил донос от генерала Александра Борисовича Голицына. Возможно, того самого, который, по словам фон Фока, называл Филарета яковинским пророком. Храбрый вояка, личный адъютант Кутузова при Бородине, в мирное время он также рвался в бой, на сей раз — против врагов православия и официальной Церкви — масонов, старообрядцев, сектантов, еретиков. Но иногда ему начинало мерещиться Бог вестъ что. В доносе содержалось сообщение о том, что в России зреет новый заговор масонского общества иллюминатов, основанного еще в 1776 году немецким мистиком Адамом Вейгауптом, автором книги “О страхе смерти”. Святитель Филарет обозначен в доносе храброго генерала как главарь заговора! “Главный из них, — писал Александр Борисович, — был нынешний митрополит Московский Филарет, вся Россия уже понимает, как есть, несмотря на его моральную скрытную наружность и постное лицо... Все его так называемые высокие проповеди дышат эклектической бестолковщиною и нетерпимым мистицизмом, простые же имеют направление не монархическое... Он есть начальник духовного правления и неутомимый покровитель учености, дает ход разлитию по всей России немецкого рационального учения и философии Вейгаупта”.

Где Филарет, а где Вейгаупт! Основатель ордена иллюминатов проповедовал, что человек изначально рождается хорошим, а плохим его делают религия и государство. Разве это созвучно Филарету? Иллюминаты мечтали о временах, когда во всем мире будут только республики. Год основания ордена тот же, что и год провозглашения США, где весьма распространен герб иллюминатов — пирамида с сияющим всевидящим оком. Разве Филарет мог мечтать о республиках, если он постоянно в своих проповедях утверждал божественную сущность монархий, возглавляемых помазанниками Божьими!

О масонах же Филарет высказывался без каких-либо экивоков: “Зачем пить из сокрытых и, может быть, нечистых кладезей, когда для нас всегда готовы душеполезные творения отцов Церкви?” “Зачем заходить к Богу с заднего крыльца, если переднее открыто?” Лаконично и четко.

Как и в случае с наветами о причастности Филарета к декабристам, царь легко отмахнулся и от доноса о причастности владыки к иллюминатам.

А вскоре 19 апреля 1831 года митрополит Филарет “за ревностное и многодеятельное служение в архипастырском сане, достойно носимом, а притом за многолетние похвальные подвиги и труды в пользу Церкви и государства, постоянно оказываемые при всяком случае, всемилоостивейше сопричислен к ордену святого апостола Андрея Первозванного” — наивысшей награде

Российской империи! Это был пасхальный подарок государя. Чем еще лучше император мог выразить свое полное доверие и расположение к Московскому Златоусту? А ведь Николай мог подождать еще полтора года и выписать орден к пятидесятилетнему юбилею владыки. Но ему именно сейчас хотелось дать понять всем недоброжелателям Филарета, какое значение владыка имеет в государстве Российском.

В начале августа Пушкин написал по поводу польского восстания свое мощное стихотворение “Клеветникам России”, в котором высказался как русский патриот, а в конце месяца Паскевич взял Варшаву и лично возглавил временное польское правительство.

Согревать души людей — этим редким даром святитель Филарет обладал в полной мере. Это была одна из главных целей его жизни. Удивительно, как много дел ежедневно сваливалось на владыку, но как при том пространны его письма, адресованные людям, нуждающимся в утешении!

“Почему Вы думаете, что далеко радость? Она близко: позади скорби, как в Песне песней, жених за стеною близ невесты. Вечер водворится плач, а завтра радость. Далеко ли?” — писал он в двадцатые годы Маргарите Михайловне Тучковой, неутешной вдове героя Бородинской битвы генерала от инфантерии Александра Алексеевича Тучкова. Добрый пастырь вел Маргариту, освобождал ее из плена скорби...

Крымский татарин Нарышка, выезжая на службу к московским государям, не знал, что от него пойдет род, весьма знаменитый в России. Нарышкины возвысились при царе Алексее Михайловиче, женившемся на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Даже стиль архитектуры того времени получил наименование нарышкинского барокко. При Петре I род еще более обогатился, а царский стольник Матвей Нарышкин носил шутовской сан патриарха Всепьянейшего собора.

Маргарита Михайловна Нарышкина была ровесницей митрополита Филарета, даже на год старше его, но он станет истинным духовным отцом этой женщины, которой досталась полная чаша и счастья, и страданий. В шестнадцать лет она вышла замуж за блистательного московского красавчика Павла Ласунского. Он ей не нравился, но своими утонченными манерами и букетиками ландышей сумел завоевать сердце матери, и та уломала дочь составить сию партию. Не заладилась с самого начала, и уже вскоре Павел стал пропадать по ночам из дома и не скрывал, что завел себе любовницу. Но и того мало, Ласунский оказался мотом и заядлым картежником. Однажды, проигравшись в пух и прах, он пытался похитить у жены ее фамильные драгоценности, чтобы рассчитаться с долгом. Маргарита застукала его, бросилась отнимать сокровища и получила от мужа такой удар, что свалилась без чувств, а потом долго болела. У нее развилась нервная горячка. Однажды ночью она проснулась, почувствовав на лице приятную прохладу. У изголовья постели сидел некий молодой человек и прикладывал к ее горячему лбу холодный компресс. Она тотчас и узнала его. Это был знакомый ее мужа молодой полковник Александр Тучков, с которым она недавно познакомилась. Он был на три года старше. Поначалу Александр не обратил на нее внимания, но когда Маргарита стала петь, зачарованный ее чудесным голосом, он влюбился в нее. Весь вечер они играли в четыре руки, пели дуэтом, говорили о музыке, о любимых композиторах. И она почувствовала нежность к этому прекрасному человеку. Так началась их любовь. Они встречались время от времени на таких же вечерах, снова вместе пели и играли на фортепьяно... И вот теперь он тайно проник в ее спальню и сидел рядом...

Поведение Ласунского получило огласку, мать Маргариты добилась решения на развод, но когда Тучков тотчас после развода посватался к Маргарите, напуганная предыдущим браком мамаша решительно отказала, хотя дочь на сей раз отвечала согласием. Четыре года Тучков жил в Париже, куда родители отправили его на учебу, и все эти четыре года Александр и Маргарита переписывались. Видя, как дочь целует письма своего возлюбленного, мать смягчилась, и когда Тучков возвратился, дала согласие на новый брак. Венчание проходило в маленьком храме на Пречистенке. В первый раз, вы-

ходя за Ласунского, Маргарита была наряжена в пышное парижское платье. Теперь на ней был скромный подвенечный наряд. Она очень волновалась, и когда выходила из церкви, все видела как в тумане. Вдруг из этого тумана высочил некий странник в лохмотьях и протянул ей сучковатую палку:

— Мать Мария! Возьми посох!

И она с благодарностью взяла палку, думая, что тот дал ее, дабы она могла опереться. Маргарита еще не знала, что это было за предзнаменование!..

Молодожены вскоре уехали в свое тульское имение и там целый год жили счастливо, упиваясь друг другом. Но начиналась новая война с Наполеоном, и Тучкову в конце 1806 года было предписано возглавить Ревельский мушкетерский полк. Любящим предначертано было расставание, но Маргарита столь сильно не хотела разлуки, что заявила мужу о своем решении отправиться вместе с ним на войну.

Сколько восторженных воплей, сколько слез умиления вызвали в русском обществе жены декабристов, отправившиеся вместе со своими мужьями в Сибирь. Но почему же такого же восторга не вызывали жены многих русских военных, не желавшие расставаться со своими миленькими и уходившие вместе с ними на театр военных действий? А ведь в отличие от жен декабристов, имевших и в Сибири весьма сносные условия существования, жены военных делили со своими сужеными все тяготы и опасности войны, нередко — голод, холод, лишения; видели, как погибали солдаты и офицеры, как страдали раненые.

Тучков запретил жене сопровождать его. В день отъезда Маргарита исчезла. Александр не узнал ее в худеньком пареньке, усевшемся на козлах его экипажа в шинели прапорщика. Лишь в пути все обнаружилось, и Маргарита сумела убедить мужа, что в таком виде никто не обратит на нее внимания, и она сможет постоянно быть при нем.

Это был настоящий подвиг во имя любви. Изнеженная аристократка научилась чистить картошку, варить походную кашу, ухаживать за лошадьми. Мало того, полюбила все это. Потому что умение жить в походных условиях давало ей уверенность, что муж не заставит ее вернуться домой. Когда-то она могла упасть в обморок даже не при виде крови, а лишь при произнесении слова "кровь". Теперь она научилась ухаживать за ранеными, и если надо, могла быстро зашить рваную рану или даже извлечь пулю.

24 мая 1807 года Ревельский полк отважно бился с французами в сражении под Гутштадтом, находясь в авангарде у князя Петра Ивановича Багратиона. Тучков получил орден святого Георгия четвертой степени. Затем были бои на берегах Пасарги, у Янкендорфа, под Гейльсбергом и Фридландом. В 1808 году ревельцев включили в состав корпуса Михаила Богдановича Барклая де Толли и отправили в Финляндию сражаться со шведами. Полк Тучкова дрался при занятии Рандасальми и Куопио, где дважды сбрасывал шведский десант в море, при Иденсальми, где отбил ночную диверсию противника. 12 декабря 1808-го Александр Алексеевич получил чин генерал-майора. В мае 1809-го он уже командовал всем авангардом корпуса генерала Петра Андреевича Шувалова. И все эти годы Маргарита Михайловна находилась рядом с мужем. Лишь одно могло разлучить их — ребенок. Но прошло пять лет, а Господь все никак не давал его им. Лишь осенью 1810 года в Риге, через которую полк Тучкова проходил демаршем, обнаружилось, что Маргарита беременна. Но и тогда она не согласилась оставить мужа. В апреле Ревельский полк находился в Минской губернии. Здесь у Тучковых родился сыночек Николенька. Александр требовал от жены возвращения в Москву, но Маргарита быстро научилась нянчить ребенка в походных условиях, и видя, что сыночек растет крепеньким и здоровеньким, Тучков лишь удивлялся и не требовал, чтобы жена везла Николашу в Москву. Так прошел еще год. И лишь в мае 1812 года, когда стало ясно, что Наполеон не просто так стягивает огромные армии к границам с Россией, Александр Алексеевич строго потребовал, чтобы Маргарита Михайловна, взяв Николеньку, отправилась подальше от театра предстоящих военных действий. На сей раз он был непреклонен.

В ночь перед расставанием Маргарита во сне кричала:

— Бородино! Тебя убьют при Бородино!

Тучков разбудил ее, успокоил. Достал походную карту, долго и внимательно изучал ее.

— Вот видишь, здесь нет никакого Бородина.

Но когда Маргарита уснула, ей вновь снился кошмар. Она бежала по улице и вдруг наткнулась на белую стену, из которой сочилась кровь, образуя буквы, а из букв — французские слова: “Участь твоя решится под Бородино”. Она побежала дальше, вбежала в родительский дом, а навстречу отец нес ей Николеньку и говорил страшным голосом:

— Александра больше нет. Тебе одной придется воспитывать сына.

Утром Маргарита рассказала о своих снах и вновь умоляла мужа не отсылать ее в Москву. Но тщетно. Ее силой усадили в экипаж и повезли в первопрестольную. Там, в родительском доме, она с ужасом встречала все новые и новые страшные известия о том, как Наполеон наступает, а наши только отбиваются, отступая.

Сон оказался пророческим. Александр Алексеевич геройски погиб на Бородинском поле. Первым Маргариту оповестил отец — как и в том пророческом сне он вошел, неся на руках Николеньку. Потом Маргарите рассказали, как ее доблестный супруг шел со знаменем в руках, а французское ядро попало ему в грудь и разнесло в клочья так, что ничего не возможно было потом собрать. Смертельно ранен был и родной брат Александра генерал Николай Тучков. Он скончался от раны в Ярославле и был похоронен в Толгском монастыре. Но о нем сведения были точные, а об Александре — не вполне. Многие рассказы расходились в подробностях. И она искала мужа среди тяжело раненных, но не находила.

Едва представилась возможность, Маргарита Михайловна отправилась вместе с денщиком своего мужа на Бородинское поле. Тела погибших с него еще не были убраны. Тучкова весьма приблизительно знала, где искать, и на протяжении нескольких дней с рассвета до заката старательно осматривала участок за участком, переворачивала трупы, заглядывала в лица... Страшно себе и представить, что она пережила в те дни! Но ей помогало то, что в предыдущие годы она уже привыкла и к запаху гниющих тел, и к виду обезображенных лиц. Насколько к этому вообще можно привыкнуть.

Найти ей так ничего и не удалось. Ходили волнующие слухи, будто она нашла кисть руки с рубиновым перстнем, который носил только Александр Алексеевич, и эту руку похоронила там же, на месте гибели супруга. Но, скорее всего, это лишь легенда. Иначе в своих письмах Маргарита Михайловна не преминула бы о том поведать. Впрочем, есть свидетельства, что она до конца жизни носила рубиновый перстень супруга. Возможно, она нашла только эту драгоценность.

Все остальные свои ювелирные украшения Маргарита продала. Заложила и тульское имение. Ей нужны были деньги на строительство. В 1817 году военный министр генерал Петр Петрович Коновницын сообщил ей, где именно в последний раз видели Тучкова. На этом месте, возле средней Багратионовой флешки, Маргарита возвела поминальную часовню, а вскоре стала строить и храм-памятник, Спаса на крови, и это стало первой постройкой на Бородинском поле. Государь Александр выделил под это дело десять тысяч рублей.

Рос Николенька, рос храм, с каждым годом оба они становились выше и крепче... Портрет Александра Тучкова, написанный Джорджем Доу, украсил военную галерею Зимнего дворца. По просьбе Маргариты Михайловны художник украсил грудь генерала медалью за 1812 год, которая вручалась только в 1813-м. Но разве он не заслужил сию награду своей геройской смертью во имя Родины?

В 1820 году храм Спаса Нерукотворного на Бородинском поле освятил Московский архиепископ Августин (Виноградский). В храме была устроена символическая могила с белым мраморным крестом, на котором надпись: “Помяни, Господи, во царствии Твоем Александра на брани убиенного”. Над правым клиросом Маргарита Михайловна собственноручно установила Ревельскую полковую икону Спаса Нерукотворного Образа, впоследствии прославившуюся чудотворной. Вдова Тучкова добилась разрешения, чтобы в храме

совершали службы монахи Можайского Лужецкого монастыря. Благословение на это дал прибывший на Московскую кафедру тогда еще архиепископ Филарет.

После восстания декабристов горе вновь вошло в семью Маргариты Михайловны. Был арестован и обвинен в подготовке московского мятежа ее родной брат Михаил. Его приговорили к двенадцати годам каторжных работ.

Увы, недолгим оказалось и материнское счастье Маргариты! В четырнадцать лет сынок был определен в Пажеский корпус. Отучившись год в Петербурге, Николай Александрович перед Рождеством 1826 года приехал погостить в Москву и тут простудился, начался жар. Мать собрала лучших врачей, и они определили, что ничего страшного нет, скоро юноша поправится. Однако, три дня прометавшись в бреду, он скончался на руках у матери, которой только и оставалось, что горестно восклицать:

— За что?! За что?!

Потеряв мужа, теперь она потеряла и сына. Оставался только храм. Похоронив Николенку в склепе Спасо-Бородинской церкви, Тучкова осталась жить там же рядом, в небольшой церковной сторожке, дабы отныне всегда находиться при том месте, где погиб Александр и где похоронен Николай. Вскоре вокруг Спасо-Бородинского храма зародилась небольшая община. Пригодились Маргарите навыки сестры милосердия — крестьяне окрестных сел приходили к ней подлечиться, а то и за добрым советом.

С 1821 года московским архиереем стал архиепископ Филарет. Его проповеди проникали в сердца всех безутешных, оплакавших своих павших в войне 1812 года, умерших в мирное время. Было и нечто созвучное душе Маргариты — пять с половиной лет вместе с мужем она находилась в Ревельском полку, а Филарет некогда являлся епископом Ревельским.

И вдруг от него приходит приглашение к нему в гости на Троицкое подворье. Маргарита знала, что многие вдовы и матери, потерявшие детей, находят у Филарета утешение. Известна была его дружба с графиней Екатериной Новосильцевой, крестницей императрицы Екатерины II и приемной дочерью графа Владимира Григорьевича Орлова. Осенью 1825 года ее постигло столь же тяжелое горе, как Тучкову, но скорбь утяжелялась тем еще, что Новосильцева была сама причастна к гибели любимого сына. Флигель-адъютант Владимир Новосильцев влюбился на балу в Марию Чернову и легкомысленно присил ее руки и сердца. Гордая и спесивая мать была возмущена, что сын хочет жениться на девушке не столь высокого происхождения, и решительно запретила сей брак. Брат оскорбленной девушки поручик Чернов вызвал Владимира на дуэль, которая окончилась трагически. Убиты были оба дуэлянта. Чернов скончался на месте, а смертельно раненного Новосильцева перенесли в какой-то постоялый двор, где он умер на бильярдном столе. Кстати, Чернов входил в Северное общество декабристов, а его секундантом на той злосчастной дуэли являлся не кто иной, как Кондратий Рылеев, которого менее чем через год повесят на кронверке Петропавловской крепости.

Филарет писал Новосильцевой письма, в коих пастырски утешал бедную виновницу гибели собственного сына: “Матерь Распятого за нас, испытавшая величайшую из скорбей Матери, да примет молитву скорбящей матери, дабы принести оную к престолу Своего Сына и Бога”. “Скорби дали Вам чувствовать нужду в утешении веры. Хорошо, что Вы ее заметили. Быв счастливее в мире, может быть, Вы не познали бы сей нужды и не обрели бы сего утешения. Что же из сего? Признайте, что скорби суть благодаяние Божие, и благодарите за них Бога”.

На сетования Новосильцевой, что свет ее порицает, и что она за это стала презирать свет, владыка отвечал: “Презирать свет не надобно, так же как и уважать. Добро достойно уважения, зло презрения, а в свете есть и то и другое. Что тяжко быть в презрении, сия мысль должна быть предметом покаяния. Блажен, кому слава и бесчестие в мире — все равно. Скорбь, что не довольно уважают злополучных, предполагает мысль, что злополучие есть достоинство. А оно не есть ни достоинство, ни недостоинство, а посещение Божие, частью строгое, частью милосердное. Люди должны уважать злопо-

лучных, но злополучные не имеют права сего требовать... Как Вы говорите, что Бог не услышал молитвы Вашей о сыне? — Он услышал и исполнил ее лучше, нежели Вы понять можете... Господь да совершает в Вас дело Свое и да даст Вам в общении с Ним утешение, победу, силу и защиту”.

На письма, в которых Новосильцева признавалась в своем отчаянии, Филарет отвечал очень строго: “Недавно читал я, что отчаяние есть порождение гордости. Итак, смирение да будет охранителем Вашим от помыслов отчаяния”. “Жертва Христова так велика, что при виде ее должны исчезнуть все малые жертвы человеческие”. “Жалею, что присутствие веселья и теперь еще усиливает уныние Ваше. Чем виновато пред Вашим унынием невинное веселье или образ веселья в неодушевленной твари, которую Бог украсил? Надобно ли сильнее огорчаться тому, что видимые нами дела Божии прекрасны”.

Новосильцева жаловалась на то, что не знает, прощен ли дуэльный грех ее сыну, а Господь не дает никаких знамений. Филарет и тут был строг: “Не сетуйте, что не видали знамения, утверждающего надежду, а лучше обвините себя, что желали знамения. В Евангелии видите, что Господь не похвалил ищущих знамения”. “Когда Вы чувствуете, что могли бы умереть от радости, получив желаемое знамение, то тем самым производите приговор, что не должно давать Вам знамения, которое приняли бы Вы не в порядке”.

И вот теперь митрополит Филарет взял на себя труд утешать другую безутешную — вдову и мать Тучкову. В приемной у владыки Маргарита столкнулась с женщиной, которая привела под благословение трех своих здоровых цветущих сыновей. И сразу обида на свою судьбу вспыхнула в сердце. Войдя к Филарету и заговорив с ним, она вскоре не выдержала и воскликнула в отчаянии:

— Отчего же Господь отнял у меня все?!

Владыка ответил неожиданно строго и даже сердито:

— Видно, недостаточно была смиренна.

Тут уж обида вдовы перекинулась на митрополита, и несчастная женщина, вскочив, выбежала вон вся в слезах. Что было причиной такой строгости? Во-первых, Филарет увидел, что в его посетительнице отсутствует понимание Божественных причин явлений жизни.

Возможно, была еще одна причина. Французистость. Безобразное явление русского высшего общества конца XVIII — начала XIX века. Многие люди вообще редко когда говорили по-русски. Галломании не повредило даже нашествие Наполеона. В 1812 году бывали случаи, когда русские мужики убивали дворян, только слышав, как те говорят по-французски. На какое-то время дворяне образумились. А потом — все по новой. Была такая невеселая шутка: русский дворянин в Европе кажется переодетым татаринцом, а у себя в России — неведомо как родившимся французом.

Увы, к моменту своей встречи с Филаретом Маргарита Михайловна так еще и не избавилась от привычки говорить только по-французски. И вот она приходит, жалуется на то, что Бог отнял у нее мужа и сына, а жалуется-то на языке тех, кто стал причиной ее вдовства! Владыка сам превосходно владел французским. Возможно, и ответил ей тоже на этом языке.

Через некоторое время пастырь лично приехал к Маргарите, просил простить его за резкость слов. С этого времени началась их дружба и переписка. Филарет стал ее пастырем.

Маргарита жаловалась ему, что страдает от одиночества. Пастырь отвечал: “Одиночество дело не худое, когда умеют им пользоваться. Не хорошо ли, когда никто и ничто в мире не останавливает человека? Тогда он и помнит Бога, прямо идет к Нему. Одиночество на земле ведет в общество небесное”. Он писал ей о целебных свойствах слез и этим тоже утешал бедную: “Господь и радость Его с Вами особенно ныне. Вода из иерусалимских роз что-то необыкновенное. Не для меня бы она; но к алтарю да принесется от Вас, как чистые благодатные слезы. Ах! Что-то теперь в Иерусалиме: вода ли чистая, как слезы, или слезы многие, как вода? Говорят, он ограблен...”

Маргарита писала о своей непреходящей тоске: “День походит на день: утренняя, обедня, потом чай, немного чтения, обед, вечерня, незначущее руко-

деле, а после краткой молитвы — долгая ночь. Вот вся жизнь! Скучно жить, страшно умереть — вот предмет для размышления. Милосердие Господне, Его Любовь — вот мое упование!” Пастырь отвечал ей: “Зная Вашу веру и упование, заставляю себя мыслить, что печаль менее ныне властвует над Вами и изнуренное страданиями сердце начинает чувствовать утешения, которые, подобно каплям росы, точатся из Источника вечного блаженства. Два года мучительной, отчаянной скорби — довольная жертва миру и плоти. Не удивитесь сему названию: и плач святых о временном лишении не назван благоприятною жертвою Богу, а наше продолжительное и тяжкое сетование не только не богоугодно, но даже бывает грешно... Молитесь об исцелении скорби Вашей и вместе просите у Господа продолжения жизни временной, сколько потребно для приготовления к вечной. Супруг Ваш — с мучениками, сын — с девственниками, Вас Господь ведет тем и другим путем, чтобы соделать участницей той и другой радости... Наше дело — нести налагаемые кресты с любовью, детским смирением и христианским упованием, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в лишениях... Не грешно мыслить, что, может быть, Вы избраны орудием для утешения тысячи страждущих”.

Маргарита присылала ему подарки, в их числе и сделанные ее собственными руками. Пастырь благодарил: “Когда Вы присылаете мне простое и надобное рукоделие, тогда я имею истинное приобретение и охотно думаю, что во время холеры ноги мои сохранились от судорог помощью чулок, работанных добрыми и человеколюбивыми руками...”

Маргарита понимала высокую цену проповедей Филарета и стала составлять свой собственный сборник этих сочинений своего пастыря. Впоследствии многие из проповедей Московского Златоуста сохранились лишь благодаря их наличию в этом сборнике. Первая из таковых — “Беседа о благочестивом усердии”, произнесенная 5 июля 1832 года в Троицко-Лаврском соборе. В ней Филарет затронул весьма важную тему истинного и показного следования религиозным обычаям. Он говорил:

— Пред святым образом ты возжигаешь свечу и полагаешь, что тем совершил некое служение Богу. Но ты знаешь, что Богу и святым Его, пребывающим во светлостях святых, небесных, нет никакой нужды в земном, вещественном светильнике; ты видишь, что и во храме иногда без него можно было бы обойтись при помощи великого, вседневного светильника Божия на небе. Что же значит твое служение возженной свечой и как оно может быть угодно Богу и святым Его? — Оно должно быть видимым знамением горящего в тебе духа, твоего благочестивого усердия... Церковь утешается, заключая по знамению, что ты горишь духом, и Бог благоугождается жертвою твоего сердца...

Пламенный пастырь призывал быть горячими в вере, находя яркие и точные сравнения:

— Когда котел кипит на огне, тогда не смеют к нему приблизиться ни насекомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую в нем для человека. Но когда снимется с огня и остынет, тогда насекомые роятся около него, и падают в него, и наглый пес или хитрый кот может приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человека кипит огнем Божественного желания, сей духовный огонь служит ей в одно время и силою для действия, и броней для защиты. Но если небрежение допускает угаснуть сему огню, и благочестивое усердие остывает, то суетные, лукавые, нечистые помыслы роятся в области чувственной, падают во глубину души и оскверняют ее, и может прийти наглая страсть и расхитить в душе, что в ней уготовлялось для благоугождения Богу.

Маргарита стала задумываться о пострижении и спрашивала совета. Пастырь постепенно готовил ее к монашескому подвигу: “Можно вести жизнь монашескую и без обета... Что делается на всю жизнь, то лучше сделать не скоро, нежели торопиво... Еще говорят отцы: если нет сокрушения и умиления, должно подозревать, нет ли тщеславия...”

Год за годом в письмах Филарета к ней все меньше утешительных слов по поводу скорби о супруге и сыне и все больше бесед о том, как жить в мо-

нашеской общине. Созданное Тучковой на Бородинском поле благочестивое женское общество с благословения митрополита получило статус Спасеского женского Богоугодного Общежительного заведения. Святитель Филарет, составив его “Правила”, в них он утверждал, что “особенная обязанность пребывающих в сем общежитии — приносить молитвы за православных вождей и воинов, которые в сих местах за веру государя и отечество на брани живот свой положили в лето 1812-е”.

Так пастырь шаг за шагом подготавливал исчезновение Маргариты. Её должно было не стать, как некогда не стало Василия Дроздова.

В проповедях 1832 года Московский Златоуст не случайно много говорил о суетном, напускном, о тщеславии. И о том, что нужно быть скромным, незаметным. Надвигался его юбилей — 26 декабря того года ему исполнилось пятьдесят лет.

По римской традиции, словом “юбилей” называлась годовщина, число которой делилось на пятьдесят. В словаре Даля так и сказано: “Юбилей — торжество, празднество по поводу протекшего пятидесятилетия, столетия, тысячелетия”. Стало быть, дважды свой юбилей мог отметить лишь тот, кто доживал до ста лет, и для подавляющего большинства людей пятидесятилетие являлось единственным юбилеем.

Никаких сведений о шумном праздновании юбилея митрополита Филарета нет в природе. Можно предположить, что он вообще запретил праздновать сию дату. “Благодарю, отец наместник, за добрые о мне желания ради дня Господня”, — писал он архимандриту Антонию 29 декабря. “Ради дня Господня”, но не “ради моего дня рождения”. Выходит, Антоний даже и не поздравлял его с юбилеем, зная, что владыка того не хочет. Поздравляли святителя с Рождеством Христовым. Еще раньше тому же Антонию он писал: “А о. Сергию скажите, что я, благодаря его за намерение сказать мне ласковое слово, не могу скрыть, что желал бы ему занятия более монашеского и архимандричьего, нежели латинские стихи”. Речь, по-видимому, идет об иеромонахе Сергии, который был духовным чадом старца Серафима Саровского и служил связующим звеном между Саровской обителью и Троице-Сергиевой лаврой. Как видно, он хотел латинскими стихами прославить юбилей Филарета, а владыка ему в этом вежливо отказал.

О том, как он старался избегать внимания к своей особе, когда это не было сопряжено с какой-либо необходимостью, сохранилось немало воспоминаний. Преподобный Амвросий Оптинский писал, что Филарет “держался такой спрятанности, что келейные его не только не знали его сокровенной жизни, но и не могли видеть, как он умывался: “Поддай воды и иди”. Случалось, келейный оставался и хотел помочь в этом старцу. Он повторял: “Ведь сказано тебе, иди!” И тот, делать нечего, хоть неохотно, а уходил”.

Резко отличались священнические облачения Филарета от его обыденной одежды. Во время богослужений он считал необходимым облачаться в красивые нарядные рясы, чтобы видно было: се иерарх Русской Православной Церкви! В обычной же обстановке он предпочитал в холодное время года шерстяные полукафтаны с отвернутыми обшлагами или просто с широкими рукавами, а летом надевал или простой белый льняной подрясник, или черный шерстяной, в зависимости от того, какая погода. Ближе к пятидесяти годам он стал часто простужаться и потому одевался теплее, чем в молодости. Вместо обычного монашеского пояса он употреблял кушак, а на голову надевал либо плетеную сетку, либо черную скуфью. В морозные дни на нем можно было видеть меховую лисью шубу. Рыжую лисицу почитал наилучшей среди пушных зверей. При том, что лисья шуба считалась в России самой дешевой.

С годами он не утрачивал любви к скромности в домашней обстановке. Любил недорогую мебель и сердился, когда кто-либо желал украсить его быт. Митрополитичий посох у него был простой, деревянный. Он вообще любил некрашеное дерево — стены, полы, потолки. Архимандриту Антонию приказывал ни в коем случае не красить полы в его покоях.

То же самое и в еде. Филарет любил обильно потчевать своих гостей, но сам довольствовался куском рыбы, кашей, в больше всего любил, когда нет поста, лесную ягоду с молоком — малину, чернику, землянику.

Внешний облик его мог показаться неказистым, если бы не искрометный ум, сверкающий в его живых глазах. Роста он был не высокого, можно даже сказать, маленького. Но следует заметить, что ученые, изучавшие сей вопрос, утверждают, что на рубеже XVIII и XIX веков вообще наблюдался странный феномен низкорослости. Данные о параметрах одежды показывают, что люди не отличались большими размерами. Такие гиганты, как Александр I и Николай I, были исключением из правила. Зато миниатюрных и изящных, как Филарет или Пушкин, было множество.

В 1832 году был причислен к лику святых Митрофан Воронежский, епископ, благоволивший Петру I в деле создания флота, помогавший первому российскому императору строить в Воронеже верфь. Митрополиту Филарету особенно нравился рассказ про то, как Митрофан явился во дворец к государю, но, увидев там изображения греческих и римских богов, тотчас развернулся и ушел. Когда Петру донесли об этом, царь пришел в ярость и потребовал от епископа немедленно явиться. Но Митрофан был непреклонен и отвечал, что придет только тогда, когда языческие истуканы будут убраны. В итоге на уступку пошел государь, статуи на время визита во дворец Митрофана были убраны.

Филарет не просто почитал святителя Митрофана, но и написал к его канонизации книгу “Сказание о обретении мощей св. Митрофана, еписк. Воронежского”, вышедшую отдельным изданием в Петербурге. А в июне 1833 года в подмосковном Хотькове он освятил храм во имя святителя Митрофана и произнес проповедь о смысле и устройении христианских храмов, о принисимой жертве. Подобно первому русскому духовному писателю митрополиту Илариону, он говорил о ветхозаветном законе и новозаветной благодати:

— Как чудно христианство! Иудейство представляло законный храм один только во всем мире, законное священство только в одном роде Аарона, жертвы только вещественные, безжизненные или умерщвляемые, в крови, огне и дыме... В христианстве, напротив, не только повсюду храмы, не только из всех народов, по избранию благодати, священники, не только повсюду приносятся бескровная жертва, заключающая в себе не преобразование Христа отдаленного и ожидаемого, но таинство Христа пришедшего, присутствующего, предающегося нам в пищу и питье жизни вечной...

Словотворец Филарет глубоко верил в силу слов, как добрых, так и злых. В Троице-Сергиевой лавре 5 июля он говорил в своей проповеди:

— Город создается — чем, думаете? Богатством? художеством? властито? многолюдством? — по мнению Соломона, не тем, а добрыми словами добрых людей: в благословении правых. И напротив, город разрушается — чем? оружием врагов? огнем? водою? землетрясением? — опять не тем, а злыми словами злых людей: усты нечестивых раскопается. Как могущественно и благотворно, по мнению Соломона, благословение! И как разрушительны слова злобные... Обыкновенный разум человеческий не знает духовного могущества слова и даже боится догадок об оном.

Объясняя высказывания из Библии, Филарет всегда находил простые, но весьма точные сравнения. Так, в успенской проповеди 1833 года, растолковывая слова апостола Филиппа, говорившего, что жилище наше находится на небесах, владыка сравнивал нашу жизнь с путешествием городского жителя по сельским местам:

— Если бы городского жителя во время путешествия в поле или в деревне спросили, где он живет, без сомнения, он не сказал бы: “Вот здесь на дороге или вот здесь, в сельской гостинице”, но сказал бы, что живет в городе, где у него дом и семейство.

И далее он учил мудрому пониманию слов апостола и применению их во всех скорбных, тягостных или обидных случаях жизни:

— Обижают тебя, лишают собственности, чести, награды. Еще скажи себе: *житие наше на небесах есть*; там наши сокровища некрадомые, венцы

нетленные, воздаяния вечные. Не нужно заботиться много, если отнимают лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить бесценное наследие в доме Отца Небесного.

Почитание Филаретом истории со святителем Митрофаном и императором Петром неожиданным образом отразилось на недолгом омрачении отношений Филарета и Николая.

В 1833 году государь путешествовал по Австрии и Пруссии, где заключал новые договора против Англии и Франции. И вдруг обратил внимание на то, что у России до сих пор нет своего официального государственного гимна. Вместо него обычно исполнялась музыка гимна Британии “God save our gracious King” — “Боже, храни нашего милостивого короля”. Как-то это не соответствовало антианглийской направленности политики и восстановлению Священного союза между Россией, Австрией и Пруссией. Царь выразил желание иметь свой гимн. Придворный композитор Алексей Федорович Львов сочинил великолепную мелодию, в духе британского гимна, но более мощную и торжественную. Василий Андреевич Жуковский при участии Александра Сергеевича Пушкина сочинили к этой мелодии слова. Пушкин же предложил оставить от всего стихотворения только первую строфу, состоящую из шести строк:

*Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, царя храни!*

Полностью все семь строк впоследствии публиковались в собраниях сочинений Жуковского, а первая строфа с легкой руки Пушкина так и стала гимном Российской империи. Государь, прослушав новый гимн, остался весьма доволен и приказал устроить публичное слушание, которое состоялось 11 декабря 1833 года в Москве в Большом театре. Весь народ был в восторге. Не был на прослушивании лишь митрополит Филарет. На афише было указано название гимна как “Русская народная песнь”, но ведь это была не просто песнь, а молитва, ибо ее наполняет обращение к Богу. Духовенство выражало недовольство. С тех пор “Боже, царя храни!” называли и так, и сяк — и “Русская народная песнь”, и “Молитва русского народа”. Но главное, что Филарету претило идти в здание, увенчанное изображением языческого бога Аполлона, которому, между прочим, во времена гонений на христиан приносились в жертву многие христианские мученики.

— Уберите истуканов, и я приду, — говорил он, уподобляясь святителю Митрофану Воронежскому.

Николай сердился, но больший его гнев был еще впереди. В 1834 году Москва украсилась триумфальной аркой, воздвигнутой на площади Тверской заставы главным архитектором Москвы Осипом Ивановичем Бове. Сооружение величественное и достойное памяти героев 1812 года, коим она и была посвящена. Одно плохо — венчала сие превосходное сооружение статуя языческой богини Славы, несущейся на повозке, запряженной шестеркою резвых коней. Узнав об этом, митрополит Филарет заранее решил, что хотя пять лет тому назад он и освящал закладку арки, саму арку освящать не станет, покуда не снимут очередного истукана. Но в мае скончался Бове, а его соавторы — младший брат Михаил, Иван Петрович Витали и Иван Тимофеевич Тимофеев “из уважения к смерти главного архитектора” отказывались что-либо менять.

О том, что Филарету придется освящать Триумфальные ворота в таком, а не ином виде, святителю сообщил светлейший князь Петр Михайлович Волконский — министр императорского двора, генерал-фельдмаршал и сам герой войны 1812 года. Святитель Филарет впал в смятение. Он заявлял о том, что не может святить сооружение, украшенное языческим идолом, на что все вокруг, вздыхая, лишь разводили руками:

— Придется святить, владыко!

Тогда Филарет отправился в Лавру к своему духовнику и прямо сказал:

— Как ты скажешь, так и сделаю.

— Не святить, — ответил Антоний.

— Будет скорбь.

— Потерпите.

Но как открыто заявить о своем отказе царю? И святитель Филарет решил отвечать Николаю как-нибудь иносказательно. Трудно судить, хорошо ли у него это вышло или не очень хорошо.

Пришло время торжеств, на Троицкое подворье прибыл дежурный флигель-адъютант с вопросом к митрополиту:

— Государь велел спросить, какое время будет угодно его высокопреосвященству назначить для освящения Триумфальных ворот?

Ответ Филарета оказался весьма странным:

— Слышу.

Флигель-адъютант не понял и переспросил.

— Слышу! — уже сердито ответил владыка.

— Так что же мне передать-то его величеству? — изумился царский посланник.

— А то, что слышали, то и передайте, — сказал святитель Филарет.

Когда Николаю сообщили, он некоторое время недоуменно размышлял, затем вспыхнул от гнева:

— А, так... Я понимаю... Приготовьте лошадей, я сегодня же покидаю Москву!

И уехал. А Филарет, еще более огорченный, вновь приехал в Лавру.

— Вот какая скорбь пришла!

— Это и прежде было видно, — ответил Антоний.

— Да уж хорошо ли я поступил? Раздражил государя. Я не имею достоинств святителя Митрофана, — вздохнул Филарет.

— Да не берите их на себя, а помните, что вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно — разойтись с волею Иисуса Христа.

Об этом разговоре и о предыдущем приезде митрополита преподобный Антоний потом написал в своих воспоминаниях. Филарет так переживал, что захворал. На другое утро он прислал за Антонием. Тот испугался, думая, что святителю стало хуже. Однако, придя на зов, увидел Филарета веселым и бодрым, и сам заулыбался.

— Что ты? — спросил Филарет.

— Да виден орел по полету.

— Пойдем, поблагодарим преподобного Сергия. Он мне явился чувственным образом. Я заснул, а был уже час пятый, как послышался шорох в двери. Я чуткий, проснулся, привстал. Дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась, и вошел преподобный — старенький, седенький, худенький и росту среднего, в мантии без епитрахили — и, наклоняясь к кровати, сказал мне: “Не смущайся, все пройдет”. И скрылся. Спасибо тебе, Антоний, ты говорил мне против всех.

Утешительные слова преподобного Сергия вскоре сбылись. Триумфальную арку без особо пышных торжеств освятили военные священники. Между тем, рассказ о том, как святитель Филарет отказался освящать Триумфальную арку, разлетался по всей Руси великой. И этот случай в основном вызывал восхищение, особенно в среде священнической. Один из наиболее почитаемых в народе духовных наставников архимандрит новгородского Юрьевского монастыря Фотий (Спасский), доселе холодно относившийся к Филарету, сильно изменил свое отношение к нему. Злые языки доносили до Фотия сплетни, будто Филарет наушничает на него Петербургскому митрополиту Серафиму, и оттого Серафим творит свои козни против Фотия. В итоге к началу тридцатых годов вся Россия имела представление о разделении Церкви на два направления — филаретовское и фотиевское, как некогда в XV—XVI столетиях были иосифляне и ниловцы, то есть сторонники Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Филарет, любимый паствой, имел дар

проповедования. Фотий, не менее любимый православным народом, имел дар чудотворения. Филаретовцы недолюбливали фотиевцев, а фотиевцы — филаретовцев. Сторонники Филарета упрекали Фотия в непочтительности к царю. Сторонники Фотия обвиняли Филарета в излишней покорности государственной власти.

К счастью, пройдя сквозь свои триумфальные врата, Филарет примирил с собою благочестивого Фотия. Примирил два направления в народе нашем. И вскоре он стал получать от Фотия добрые, теплые, восхищенные письма: “Близок я к тебе союзом любви не по плоти и крови, но во Господе, Его же ради ты меня напоил питием учения веры и облек в образ ангельский по плоти. Взыскую студенца воды живой от уст твоих... Ах! Владыко святой и мой благодетель о Господе возлюбленнейший! Аще ли ты не радость всех, и радость моя есть единая оная та, кто отрет слезы всех и твоих ближайших! Ты нужен в Церкви Божией! Да светится свет Господень в тебе всем и мне, да между всеми тень сладости светения твоего в деле благодати коснется и гортани сердца моего”. Отныне Фотий стал филаретовцем и оставался им до самой своей смерти, незадолго перед которой писал своей духовной дочери графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской удивительные строки, посвященные Московскому Златоусту:

“Я за знамение Божией благодати полагаю в том, кто из москвичей своего пастыря наставника и учителя, святителя Филарета почитает по Бозе, истинно слушает. Я скажу то, что никогда иного слова не слышал от Филарета митрополита, как на пользу души. Я приемлю за истину, что сам видел и слышал от уст Филарета, а слуху мира не верю. Люблю я его за премудрость и разум, а целую его твердость любви. Он уже ежели кого любит, то ежели любимый упадет в некое прегрешение, — исправляет таковое духом кротости. Кто его судит, а не дано от Бога судить, — я презираю. Никтоже честь приемлет, как токмо званный от Бога. Филарет николи совета не дает на худо. Что мне сперва не нравилось его, после я находил прекрасным. Время открывало очи — и даже святому откроет. Преподобного Ефрема и блудница уму разуму научила: то уста или Божия, каков есть Филарет, не даст нам, горячим настоятелям, смысла, разума?.. Никогда не нажить такого мудрого пастыря граду Москве, как Филарет. Жизнь его лучше Платона, как серебро олова. Его намерения всегда человеколюбны и превосходны. Пастырь, ангел Господень. Есть некто настоятельница в пастве его и почитает его за святого; и я почитаю единственно за праведную в женах, что праведно поступает, тако почитая своего святителя. Сия душа не погибнет, благословение архиерейское исполнит в ней меру совершенства во спасение... Правда, не всегда Филарет по природе развивается в чувствах нежных; но бывают черты премилые сердцу в светлости его лица и очес. Я об одном более всего Бога молю, дабы быть ему во святых. Пишу тебе, чадо мое, всегда почитай и тень своего пастыря Филарета... Век не забуду подвига его, что врата не освятил и сказал об них как пастырь, правящий слово Истины. Вот черта пастыря и святителя. Вечность его ублажит за слово истины вовремя”.

Время пройдет, и пожелание Фотия сбудется — Филарета причислят к лику святых. Отказавшись освятить арку, увенчанную языческим символом, Московский Златоуст освятил тем самым свои триумфальные врата, увенчанные символами христианскими!

Осенью 1836 года Россию взбудоражила публикация в московском журнале “Телескоп” первого “Философического письма” Петра Яковлевича Чаадаева, в котором он камня на камне не оставлял от русской истории, а также весьма скептически взирал и на религиозные христианские чувства россиян: “Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности. Поры быющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом

только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица”. “Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру”.

Забавно, что нашим первым западником стал человек, носящий такую уж очень восточную фамилию. Чаадай (иначе — Чагатай, Джагатай) — второй сын Чингисхана. От него произошло племя чаадаев или чагатаев, которые создали свое государство в Средней Азии. Существовал чагатайский язык. А самым знаменитым чаадаем был Тамерлан.

Чаадаев расколол общество, дав два направления мыслей и пристрастий. Те, кто разделял точки зрения Петра Яковлевича, становились впоследствии западниками, а те, кто яростно критиковал его, — славянофилами. Уж очень резко разграничил он проклинаемую им Россию и обожаемый им Запад: “Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь”.

В то время, как Запад стремительно двигался к вырождению христианства, в России оно держалось, во многом благодаря таким столпам православной Церкви, как Филарет Московский. Но Чаадаев высказывал крайне противоположное мнение на сей счет: “Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не созидалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода не для нас свершались. Хотя мы и христиане, не для нас созревали плоды христианства”.

Скандал с этой публикацией, естественно, не мог пройти мимо святителя Филарета. Он дал строгие и четкие оценки “Философическому письму”: “Статью Телескопа, оскорбительную для Церкви и для России, мне показали, ибо, впрочем, сего журнала я не имел и не читал. Правительством обратило внимание на сие безумие. Странно, что пропустил к напечатанию ректор университета. Мне казалось возможным сие не иначе, как разве пропустил не читав; но некоторые говорят, что даже поправлял. Найдите и прочитайте лист Северной Пчелы, вышедшей третьего дня. Тут есть хорошее противоядие против статьи Телескопа”.

Император был куда более прямолинеен в оценке статьи Чаадаева: “Смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного”. “Телескоп” закрыли, его издателя Николая Ивановича Надеждина сослали, Чаадаева объявили сумасшедшим и заставили пройти принудительное медицинское обследование. Полемике не получилось. Тогда все видели славу России и ее

истории, все видели себя христианами в лучшем проявлении, нежели европейцы, и большинство людей сочло нелепым спорить с тем, кто говорил, что у России нет истории, что мы народ дикий и варварский, и что наше христианство невежественное. Poleмика станет развиваться постепенно, в будущие годы.

А противоядием статье “Телескопа” Филарет назвал опубликованный в болгаринской “Северной пчеле” отрывок из книги писателя и дипломата, албанца по национальности, Константина Михайловича Базили “Боспор и новые очерки Константинополя”. В этом отрывке, озаглавленном “Восток и Запад”, автор оценивал западное христианство как основанное на насилии, а восточное — как движимое любовью.

Московскому обер-полицмейстеру Льву Михайловичу Цынскому пришлось отдуваться за статью Чаадаева перед высшим начальством. В его переписке с московским генерал-губернатором Дмитрием Владимировичем Голицыным сохранилось любопытное письмо. В нем Цынский уведомляет: “После статьи, напечатанной в XV номере Московского Телескопа под заглавием философические письма, поступила ныне в редакцию статья под названием: “Несколько слов о философическом письме, напечатанном в XV книге Телескопа”. Статью сия представляя при сем в копии на усмотрение Вашего сиятельства, я имею честь присовокупить, что как ныне издание Телескопа запрещено, то оную статью предполагают напечатать в Московском наблюдателе. Сей час я получил сведение, что статья сия вся уничтожена и не будет помещена в Наблюдателе; корректурной же печатанной лист оной находится у меня.

Генерал Майор Цынский

Примечание: статья сия, как слышно, сочинена Митрополитом Филаретом”.

Видимо, готовился мощный ответ Чаадаеву, но затем было принято решение поступить решительнее — объявить автора “Философического письма” психом, а с чокнутым спорить глупо. Так античаадаевская статья и не попала в печать. Сохранилась копия корректурного оттиска этой статьи, скорее всего, и впрямь принадлежащей перу Московского Златоуста.

Подражая манере письма Чаадаева, автор также пишет к некоей неизвестной адресатке. Причем, в отличие от той, к кому обращается Чаадаев, здесь в качестве собеседницы вполне можно увидеть — саму Россию. Вот некоторые ключевые высказывания из сего “Античаадаева”:

“Тебя удивила, мой друг, статья философические письма, помещенная в 15 № Телескопа, тебя даже обидела она, ты невольно повторяешь: неужели мы так ничтожны в сравнении с Европой, неужели мы, в самом деле, похожи на приемыш в общей семье человечества? Я понимаю, какое грустное чувство поселяет в тебе эта мысль; успокойся, мой друг, эта статья писана не для тебя; всякое преобразование твоего сердца и твоей души было бы зло: ты родилась уже истинной христианкой...”

“Я знаю как соблазняла тебя не христианская жизнь людей того общества, которое должно служить примером для прочих состояний. Ты устояла от соблазна, не увлеклась на путь не имеющей цели жизни, — и теперь сама видишь, что на избранном тобою пути нельзя ни потерять, ни расточить земного блага; ибо избранный тобою путь есть стезя, на которой человек безопасен от хищничества и ласкательства, и по которой, со временем, должно идти все человечество”.

“Если ты уже постигла один раз истину и следуешь ей, то не думай, чтоб истину можно было совершенствовать; ее откровение совершилось один раз и навеки, и потому слова: “сколько светлых лучей прорезало в это время мрак покрывавший всю Европу!” относятся только к открытиям, касающимся до совершенствования вещественной жизни, а не духовной; ибо сущность религии (не имеет форм она) есть неизменный вовеки дух света, проникающий все формы земные. Следовательно, мы не отстали в том отношении от других просвещенных народов; а язычество тaitся еще во всей Европе: сколько еще поклонников идолам, рассыпавшимся в золото и почести. Что же касается до условных форм общественной жизни, то пусть опыты совершаются не над нами: можно жить мудро чужими опытами; зачем нам вдавать-

ся в крайности: испытывать страсти сердца, как Франция, охлаждаться преобладанием ума, как Англия; пусть одна перегорает, а другая стынет; одна от излишних усилий может нажить аневризм, а другая от излишней полноты — паралич. Россия же, при крепком своем сложении, умеренной жизнью может достигнуть до маситых веков существования, предназначенного народам”.

“Если бы мы не жили мощными впечатлениями времен прошедших, мы не гордились бы своим именем, мы бы не смогли свергнуть с себя имя монголов, поклонились бы давно власти какого-нибудь Сикста V или Наполеона, признали бы между адом и раем чистилище, и наконец давно обратились уже в ханжей, следующих правилу “несть зла в прегрешении тайном”. Кому нужна такая индульгенция, тот не найдет ее в наших постановлениях Церкви”.

“Наше общество действительно составляет теперь разногласие понятий и все так от того, что понятия передаются нам разномысленными, приезжающими из Франции, Англии и Германии воспитателями, от того-то общество наше, долженствующее подавать собою во всем пример прочим состояниям, настроено на разный лад, и эта расстроенность не кончится до тех пор, пока не образуется у нас достаточное число наставников собственных, достойных уважения и доверия родителей”.

“Таким-то образом чужие понятия расстраивали нас с своими собственными. Мы отложили заботу о совершенствовании всего своего, ибо в нас внушили любовь и уважение только к чужому, и это стоит нам нравственного унижения. Родной язык неуважен, древний наш прямодушный нрав часто заменяется ухищрением, крепость тела изнеживается...”

“Зачем вершины наши отрываются от подножий, зачем они часто живут как гости на родине, не только говорят, пишут, но и мыслят не по-русски? Отвечай мне, мой друг, на эти вопросы — истинны ли они! Отвечай, — нужны ли соколу павлиньи перья, чтоб быть также птицей Божьей и исполнить свое предназначение в судьбе всего творения?”

“При разделении односемейности европейской на латинскую и тевтоническую сочинитель несправедливо отстранил семью греко-российскую, которая также идет в связи с прочим и, можно сказать, составляет средину между крайностями слепоты и ясновидения”.

“От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь; от насильственного соединения Рима с Севером родились Западные Царства. Греция и Рим отжили. Русь одна наследница Греции, у Рима много было наследников. На три духовных владычества и по сие время разделяют христианский мир, истина еще в трех видах: в образе вещественном католичества, в образе духовном протестантства, и в образе слияния вещественности с духовностью Греко-российской Церкви”.

“Смотрите только на Запад, вы ничего не увидите на Востоке, смотрите бесперывно на небо, вы ничего не заметите на земле. Положим, что мы “отшельники в мире, ничего ему не дали”, но что бы ничего не взяли у него, это логически несправедливо, мы заняли у него неуважение к самим себе, если согласиться с сочинителем письма”.

“Покуда Русь переносила детские болезни, невольно покорствовала истукану ханскому и была между тем стеной, защищавшей христианский мир от магометанского, Европа в это время училась у греков и у наследников их наукам и искусствам. Всемирное вещественное преобладание падшего Рима оснащалось снова в Ватикане, мнимо преобразаясь в формы духовного преобладания; но это было новое насилие человечеству. Это преобладание было не преобладанием слова, а преобладание меча, только скрытого. Россия устояла во благо общее — это заслуга ее”.

“Мы принимали от умирающей Греции святое наследие, символ искупления и учились слову; мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали во власть Папы; сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира”.

“Вечные истины, переданные нам на Славянском языке, те же каким следует и Европа, но от чего же мы не знаем его? Наше исповедание не запрещает как Бог Соломону постигать таинства вселенной и совершенствоваться

жизнь общую ко благу. Христианская религия нигде не имеет нужды управляться миром посредством предрассудков”.

“Религия есть одно солнце, один свет для всех, но равно благотельные лучи его не равно разливаются по земному шару, а соответственно общему закону вселенной. Согласно с климатом природы, у нас холоднее и климат идей; с крепостию тела у нас могут быть прочнее и силы души, — и мы не обречены к замерзанию. Природа дала нам средства согреть тело; от нас зависит беречь и душу от холода зла.

Этим хотел я кончить письмо мое; но не мог удержаться еще от нескольких слов в опровержение мнений, будто Россия не имеет ни истории, ни преданий; не значит ли это, что она не имеет ни корня, ни основы, ни русского духа, не имеет ни прошедшего, ни даже кладбища, которое напоминало бы ей величие предков. Надо знать только историю Солонов, чтоб быть до такой степени несправедливым.

Виновата ли летопись русского старого быта, что ее не читают? Не ранее ли века все настоящие просвещенные царства стали образовываться из хаоса варварства? В XII веке у нас христианский мир уже процветал мирно, а в Западной Европе что тогда делалось? Овцы западного стада, возбужденные пастырем своим, думали о преобладании; но верно святые земли не им были назначены под паству; вера не требует ни крови, ни гонений за веру; мечом не доказывают истины; Бог слова покоряет словом. Гроб Господень не яблоко раздора. Он достояние всего человечества.

Таким же образом мнимо великое предприятие должно было решиться. Мы не принимали в нем участия, и похвалимся этим. Мы в это время образовали свой ум и душу, и потому-то ни одно царство, возникшее из средних времен, не представит нам памятников XII столетия, подобных слову Игоря, посланию Даниила к Георгию Долгорукому и многих других сочинений на славянском языке даже IX и X столетий. Есть ли у кого из народов европейских, кроме шотландцев, подобные нашим легенды и песни, у кого столько своей родной души, откуда льются эти звонкие, непостижимые по полноте чувств, голоса хороводов; прочтите сборник Кирилла Данилова древнейших народных преданий-поэм. У какого народа христианского есть Нестор? У кого из народов есть столько ума в пословицах, а пословицы не есть ли плод опытной, давней народной жизни?

Еще оставалось бы высчитать тебе природные свойства и прижитые недостатки наших и прочих просвещенных народов, взвесить их и по ним уже заключить: который из народов способнее соединить в себе могущество вещественное и духовное? Но это новый, обширный предмет рассуждения. Довольно против мнения — что мы ничтожны”.

Стиль изложения очень похож на филаретовский. К тому же начало, почти пародирующее начало письма Чаадаева. Вспомним, что и Пушкину на его “Дар напрасный” Филарет ответил пародией на его стихи, но пародией, заключающей во всем возражение тому, что написано у Пушкина. Точно так же и тут, пародируя манеру Чаадаева, автор во всем спорит с создателем “Философического письма”.

Итак. Если принять, что статья “Несколько слов о философическом письме” действительно написана Московским митрополитом, то следует признать, что как Чаадаев — первый западник, так святитель Филарет — первый славянофил!

Славянофиларет.

В переводе с греческого — “любящий славянскую добродетель”.

И — реакционер. В том смысле, в каком человеческий организм проявляет себя реакционером, выказывая какую-либо откровенную реакцию на болезнь.

Филарет первым, не улюлюкая: “Сумасшедший! Ату его!”, вышел на бой с клеветником России, чтобы не силой государственной машины и не силой общественного выдавливания, а силой просвещенного ума одолеть силу клеветы.

Жаль, что статья “Несколько слов о философическом письме” так и не была издана, и вместо полемики власти предпочли выбрать путь почти фи-

зического устранения и клеветника, и тех, кто его печатал. Мол, незачем раздувать угли, лучше тайком и как можно быстрее их затоптать, чтобы никто и не видел, и дыма не унюхал. Но дым-то пошел, его унюхали, и последствия покажут себя в ближайшем будущем. В цепочке между декабристами и Герценом важнейшее звено — Чаадаев. А статья Филарета могла бы эту цепочку разорвать.

А ему велено было временно умолкнуть. Одно из писем к Антонию того времени так и начинается со слов: “Как долго я молчу!” Но дальше он поясняет: болею. Опять зима в Петербурге, опять хвори. Там он всегда простужался, страдал от болей в ухе. Лечился, а от лекарств, как водится, что-то излечивалось, а что-то калечилось. Принимаешь лекарства от простуды, а они вызывают боли в желудке...

Но куда докучливее петербургских болезней — участие в работе Синода. На это время Московский Златоуст умолкает, не звучат его вдохновенные проповеди. Покуда не вернется в свою дорогую Москву.

В эту зиму в Петербурге произошло страшное.

Убили Пушкина. На дуэли.

Дуэль признавалась не только государственным, но и православным преступлением. В отношении дуэлянтов не существовало особых постановлений, они попросту приравнивались к самоубийцам, коих нельзя было отпевать в храме, хоронить внутри церковной ограды и поминать вкупе со всеми христианами. На исполнении этой строгости в отношении Пушкина настаивал Петербургский митрополит Серафим. Переменить его твердую точку зрения взялся Московский митрополит. Возможно, Филарету в числе других, а возможно, лишь одному Филарету мы обязаны тем, что Александр Сергеевич удостоился христианского упокоения. Иначе каков был бы соблазн для тех, кто обожает Пушкина и не слишком тверд в вере, обидеться на Церковь и отойти от нее! Только представить себе, как благодаря подобной твердости Серафима (Глаголевского) радовался бы весь антиправославный мир, если таким образом ему бы “подарили” Пушкина! А при безбожной власти большевиков Александра Сергеевича и вовсе противопоставили бы Христу, превратили в образец деятеля антихристианского сопротивления! Ведь, как на могиле Льва Толстого, на могиле Пушкина не стоял бы крест.

А сейчас? Тоже страшно представить. Скольких нынешних православных священников посмертное отлучение Пушкина ввело бы в соблазн проповедовать, что читать творения русского гения грешно!

Конечно, утверждать, что посмертным спасением великого поэта мы обязаны Филарету, преувеличение. Здесь, прежде всего, во многом сыграло свою роль доброе отношение государя императора. Вот если бы Николай Павлович уперся в букву гражданского и религиозного закона, тогда дело плохо. Но и мнение Филарета внесло свою важную лепту. И слава Богу, что он в то время оказался в Петербурге!

Когда пишут о кончине и погребении Пушкина, постоянно укоряют, а то и проклинают власти за то, что не устроили пышных похорон. Но устроить такие значило отменить строгое отношение к дуэлянтам. И дуэли посыпались бы как горох! Митрополит Серафим запретил отпевать Александра Сергеевича в Исаакиевском соборе, и отпевание происходило в церкви, которую всегда обозначают как “Конюшенная”, дабы подчеркнуть, что гения русской словесности отпевали чуть ли не на конюшне среди лошадей. На самом деле это храм Спаса Нерукотворного Образа, расположенный неподалеку от Мойки на Конюшенной площади внутри довольно величественного здания Конюшенного двора. Пишут, что это очень тесный храм. На самом деле храм довольно просторный, в чем нетрудно сейчас убедиться, поскольку он восстановлен. При советской власти в нем размещался целый институт гидропроекта.

Когда говорят, что царь запретил отпевание в Исаакиевском соборе, невольно возникает мысль о шедевре Монферрана. Но в 1837 году нынешний главный собор Петербурга еще только строился, заканчивалось возведение купола. И это был четвертый Исаакиевский храм города.

Исаакий Далматский — святой, память которого совершается 30 мая (12 июня), а это день рождения Александра Невского и Петра Первого. Вот почему главным храмом северной столицы должен был стать именно собор во имя Исаакия. Ведь Петр построил свой град в тех местах, где Александр разгромил на Неве шведов.

Первая церковь во имя святого Исаакия Далматского, деревянная, маленькая, появилась возле Адмиралтейства на месте, где сейчас высится Медный всадник, еще при Петре. Вторая, каменная, была возведена на ее месте, в 1735 году она сгорела, и ее разобрали. Третий Исаакиевский собор строился там же при Екатерине II, закончен был при Павле I, а освящен при Александре I. По проекту архитектора Ринальдини это должно было быть высокое строение из мрамора, на мраморном основании, но император Павел пустил мрамор на строительство Михайловского замка, и на мраморном основании был возведен нелепый кирпичный собор, который довольно быстро стал ветшать и разрушаться. Судя по всему, в 1837 году именно в этом разрушающемся соборе хотели отпевать Пушкина. Но император повелел перенести отпевание в храм Спаса Нерукотворного Образа, являвшийся придворным храмом. Тем самым государь подчеркивал, что Россия прощается не только с великим поэтом, но и с государственным деятелем.

Отпевание совершали архимандрит и шестеро священников, что тоже немало. Пришли лучшие поэты, гроб несли Крылов, Вяземский, Жуковский. Присутствовали высшие чины, среди которых был и министр народного просвещения Уваров. Ну, а то, что ни один из архиереев, включая Филарета, не почтил своим посещением сего отпевания... Следует, повторяю, учитывать, что отпевали дуэлянта, по церковным понятиям — самоубийцу, впрочем, успешнее покаяться перед смертью настоятельно храма Спаса Нерукотворного Образа, протоиерею Петру Песоцкому.

Затем, как известно, тело раба Божия Александра было отвезено в Святогорский монастырь, который Пушкин очень любил посещать во время проживания в Михайловском. Здесь он похоронил мать и за десять рублей купил для себя место, чтобы тоже быть похороненным на родовом пушкинском кладбище. Это была его воля.

В год смерти Пушкина начинались торжества, посвященные 25-летию Отечественной войны, Зарубежного похода и ответного визита в Париж. На Москве готовились начать новое строительство храма-памятника во имя Христа Спасителя, посвященного воинам, одолевшим Наполеона. Поскольку изгнание “Великой армии” состоялось в Рождество Христово, то и храм решено было посвятить этому второму по значению после Пасхи православному празднику. Еще в 1831 году государь выбрал новое место для строительства — на высоком берегу Москвы-реки “на том месте, где ныне существует Алексеевский монастырь, обратя в площадь сей постройки... ту гору против дому князя Сергея Михайловича, где пожарное депо и дом бывший Бекетова, что ныне Сипягина, образуя сию гору вплоть до Москвы-реки. Мысль дивная, достойная Николая I, который желает, чтоб новый памятник смотрел на древний Кремль”, — сообщал великому князю Михаилу Павловичу сенатор А. А. Башилов, заведовавший Комиссией для строений города Москвы. Место для Филарета весьма удобное, ибо дом князя Сергея Михайловича Голицына он продолжал постоянно посещать, и здесь его по-прежнему встречала обстановка домашнего уюта и огромной любви. Так что, когда спрашивали его мнения о месте строительства храма Христа Спасителя, владыка горячо поддерживал сей выбор.

В 1838 году производителем и главным архитектором храма Христа Спасителя был назначен автор нового проекта Константин Андреевич Тон. Началось строительство, здания Алексеевского монастыря подверглись сносу, началась выемка земли под фундамент, 27 июля начали класть каменные фундаменты особым способом, чтобы все основание храма представляло собой однородную каменную массу. На сей раз владыка Филарет внимательно следил за ходом работ, чему способствовало и его частое гостевание в доме у Сергея Михайловича Голицына.

1839 год стал настоящим годом торжеств, посвященных памяти великой победы над Наполеоном. Исполнялось двадцать пять лет взятию русскими войсками Парижа и Пасхе на площади Согласия. Начинались торжества на Бородинском поле; 23 июля святитель Филарет освятил в Спасо-Бородинской обители храм Святого Праведного Филарета Милостивого и дал благословение самому монастырю, основанному той, которую некогда звали в миру Маргаритой, а теперь она носила имя Мелании. И она хотела, чтобы храм в ее обители был посвящен тому, чье имя носил ее добрый пастырь.

Во время торжеств произошла закладка храма Христа Спасителя. Заложен был не только храм. Закладывалось новое направление русской архитектуры. По желанию императора Николая и митрополита Филарета зодчие стали следовать древним византийским образцам. Во главе нового направления встал на Москве архитектор Тон. “Древнее русское зодчество воскресает в церквах золотыми маковицами и под рукою искусного художника получает характер самобытный, русский, тоновский”, — писала в 1841 году “Художественная газета”. Одновременно с храмом Христа Спасителя были заложены в Кремле Большой Кремлевский дворец и Оружейная палата, а все новые московские здания стали выстраиваться фасадами вдоль набережных Москвы-реки.

Освящая закладку храма на новом месте, вряд ли святитель Филарет думал о том, что не ему и не царю Николаю суждено будет дожить до того дня, когда сей храм откроется для богослужений; что сей храм будет взорван спустя сто лет после торжественной закладки; что еще через полстолетия его начнут возрождать и поднимут заново над Москвой-рекою. И что его, Филаретовы, мощи найдут свое упокоение в том, заново возрожденном из праха и забвения, храме Христа Спасителя!

— Мать Мария! Возьми посох!

Вот когда сбылось пророчество неизвестного старца! Тридцать пять лет прошло. А она как сейчас помнила день свадьбы, туман, застилавший сознание, и этот посох, протянутый ей невесть откуда взявшимся странником, одетым в лохмотья. Вот он, сей посох, по-прежнему при ней. Только отныне суждено ему стать игуменским.

28 июня 1840 года митрополит Филарет совершил пострижение инокини Мелании в мантию. Мелания получила новое имя — Мария. Она могла бы стать Натальей, ведь Бородинское сражение проходило в Натальин день. Но кроме того битва происходила в праздник Владимирской иконы Божьей Матери, а 28 июня — праздник иконы Приснодевы Марии, именуемой “Троеручица”, и новоявленная игуменья получила имя Богородицы. Тогда-то и припомнился выкрик странника: “Мать Мария! Возьми посох!” На другой день Мария была поставлена игуменьей Спасо-Бородинской женской обители, и отныне она всегда ходила со своим свадебным посохом.

Для Филарета это стало радостным событием — его любимая духовная дочь сделалась игуменьей! Ему так нравилось приезжать к ней в гости, беседовать с ней, глядя в ее дивные небесно-голубые глаза, так много проплакавшие в своей жизни. Любил он угощаться бородинским хлебом, пряным и душистым. Рецепт приготовления принадлежал самой игуменье Марии. Она придумала его во дни Великого поста, чтобы немного скрасить однообразие великопостного стола, побаловать монахинь.

Однажды во время очередного своего приезда в Спасо-Бородинскую обитель митрополит Филарет спросил игуменью:

— Ну что, матушка Мария, довольна ли ты своими сестрами?

— Жаловаться мне не на кого, — последовал ответ, — только в том беда моя, что я грешная.

Владыка весело и нежно улыбнулся:

— Наконец-то в моей епархии нашла грешная игуменья, а то с кем ни поговорю — все святые!

26 декабря 1842 года Филарету исполнилось шестьдесят лет. И вновь — никаких торжеств по этому случаю, никаких пышных поздравлений, празд-

неств. Хотя можно было бы, ведь Рождественский пост кончился, отпраздновали Рождество Христово, и никто бы не упрекнул Московского митрополита, что он отмечает свой юбилей. Но никаких следов хоть какого-то празднования! 27 декабря в кафедральной церкви святителя Алексия он рукополагал Дмитровского епископа Иосифа. Ни слова о том, что вчера ему исполнилось шестьдесят.

О праздновании дней рождения Филарет выскажется чуть позже, в 1844 году, в своей “Беседе о новом рождении свыше”: “Не удивительно, если рождение некоторых людей, которых жизнь особенно угодна Богу, и благотворна для прочих человеков, и предусматривается с обещанием радости, и воспоминается праздником. Так о рождении великого Предтечи Господня предрек ангел: *мнози о рождестве его возрадуются* (Лук. I. 14). Но когда видим, что и день рождения каждого человека обычаем делает праздником личным или домашним: тогда рождаются помыслы недоумения, и даже удивления.

Рождение, за которым следует убегающая жизнь и неизбежная смерть, достойно ли быть предметом праздника? Человек, говорит Иов, *рожден от жены малолетен, и исполнь гнева* (Иов. XIV. 1): это ли праздновать? *В беззаконных зачат есмь, говорит Давид, и во гресех роди мя мати моя* (Псал. L. 7): что тут праздновать? — Блажен, кто может праздновать то рождение, которым восполняются недостатки, исправляются несовершенства, прекращаются бедствия сего первого рождения, — рождение новое, рождение духовное, рождение свыше. *Подобает вам родитися свыше*: сказал Господь Никодиму в ночной, уединенной с ним беседе. Не сказал: надобно тебе родиться вновь, хотя говорил с одним только человеком; но сказал: *подобает вам*: дабы видно было, что речь идет не о потребности сего или другого человека в особенности, но что изрекается закон всем вам, которые желаете быть истинными учениками небесного Учителя Иисуса Христа. *Подобает вам родитися свыше*”.

Современному человеку, с особым трепетом относящемуся к дням рождения себя любимого, это может показаться диким. Филарету, судя по всему, казалось вполне естественным не выпячивать памятных дат своей собственной жизни.

Ныне гробница митрополита Филарета находится в Москве. Восточным фасадом она выходит на Пречистенскую набережную, западным — на Волхонку, северным — на Всехсвятский переулок, а южным — на Соймоновский проезд. У Московского Златоуста — самая большая усыпальница в первопрестольном граде. Ею является главный собор Русской Православной Церкви — храм Христа Спасителя. Тот, кто здесь покоится, немало и сам потрудился для создания этого величественного памятника архитектуры. Редчайшего во всем мировом зодчестве.

По замыслу Константина Андреевича Тона все фасады над воротами и окнами, так, чтобы можно было легко рассмотреть снизу, предполагалось украсить не только рельефами, но и совершенно необычными для русского храмового искусства горельефами, являющими собой поучительные сцены из библейской и отечественной истории. Выбор сюжетов был предоставлен митрополиту Филарету Московскому. В 1844 году владыка исполнил заказ и сделал все назначения — дал полную роспись, где и какие горельефы должны быть размещены.

Западный фасад с главным входом в здание он предложил украсить следующим образом. Наверху, на высоте тринадцати сажен (около 28 метров), в медальонах изображения Христа Спасителя, благословляющего входящих в храм, а также Александра Невского и Николая Чудотворца как небесных покровителей императоров Александра I и Николая I, блаженного Николая и праведной Елизаветы. Над центральными воротами на высоте четырех с половиной сажен (около 10 метров) ангелы с распростертыми крыльями держат хартию с надписью: “Господь Сил с нами”. Над арками боковых порталов: справа — ангелы с хоругвями московского ополчения, слева — ангелы со знаменами 1812 года. По сторонам оконных арок портала — архангелы Иегудиил с венцом в руке, Варахия с цветком, Гавриил с лилией и Уриил с

пламенем. Справа от портала на западном фасаде Филарет предложил изобразить ветхозаветного царя Давида, передающего чертежи Иерусалимского храма своему наследнику Соломону. Слева — помазание Соломона на царство. Тем самым подчеркивалась преемственность царя Николая его старшему брату Александру, при котором родилась мысль создать храм Христа Спасителя, а Николай эту мысль воплощает.

Переходим к южной стороне. Наверху в медальонах — Богоматерь Смоленская, чудотворный образ которой находился в войсках в 1812 году. Накануне Бородинской битвы Кутузов приказал обнести этой иконой все полки. По сторонам от Смоленской — святые, в дни памяти которых происходили важнейшие битвы 1812 года: Роман Рязанский — сражение при Клястицах 19 июля, апостол Фома — сражение под Полоцком и Тарутином 6 октября, Иоанн Креститель — сражение при Малоярославце 12 октября, Иона Новгородский — сражение при Красном 5 ноября. Внизу по сторонам арок трех крылец южного фасада — горельефы, изображающие события Ветхого завета: явление архангела Михаила Иисусу Навину перед тем, как тот победил в битве с врагом, значительно его превосходящим, Моисей, освободивший свой народ от плена египетского, сестра его Мариам, с тимпаном в руках воспевающая: «Пойте Господу, ибо высоко превозносясь Он, коня и всадника его ввергнул в море!», пророчица Девора и Варак, которому она предсказала победу над войсками язычников. Все они, по замыслу Филарета, являли собой истину, что истинно верующий не погибнет, ибо спасен будет Богом. В память о сражениях 1812 года на южном фасаде: Варлаам Хутынский — битва при Красном 6 ноября, благоверный князь Гавриил Псковский — защита Пскова — и святые Антоний и Феодосий Печерские — защита Киева. Здесь же, на южном фасаде Филарет очертил две ветхозаветные горельефные картины, посвященные триумфальному возвращению императора Александра из Заграничного похода: Давид, несущий своему народу голову поверженного Голиафа, и Авраам, встречаемый первосвященником Мельхиседеком после победы над языческими вождями.

Идем далее, на восточную сторону. Она располагается за алтарем. В центре наверху в медальоне — Владимирская Божья Матерь. Праздник этой иконы — 26 августа, день Бородинского сражения. В других медальонах — царица Александра, Мария Магдалина, Анна Пророчица и великомученица Екатерина. Внизу по назначениям, расписанным Филаретом, горельефы, изображающие первых Московских митрополитов — Петра и Алексея. Петр держит хартию с изображением Успенского собора, Алексей благословляет церковь Архистратига Михаила в Чудовом монастыре. По сторонам от них — святитель Стефан Пермский с хартией изобретенного им письма зырянского языка, преподобный Сергей Радонежский, Московские митрополиты Иона и Филипп, преподобные Никон Радонежский и Иосиф Волоцкий, черниговские святые — благоверный князь Михаил и боярин Феодор.

На северном фасаде Филарет предложил в верхних медальонах положить изображения Иверской Богоматери, а также святых, в дни памяти которых происходили важнейшие события Заграничного похода: мученик Лавр — сражение при Кульме 18 августа 1813 года, мученик Сергей — Лейпцигская битва 7 октября 1813 года, Григорий Двоеслов — битва за Париж 12 марта и мученик Хрисанф — взятие Парижа 19 марта 1814 года. В нижнем горельефном ряду по росписи Филарета полагалось поместить изображения царицы Елены и ее сына — византийского императора Константина, княгини Ольги и ее внука — великого князя Владимира Красно Солнышко. Константин и Елена сделали Византию христианской страной, а Владимир и Ольга крестили Русь. Около оконных арок северного фасада — апостол Андрей, из уст которого впервые прозвучала на русской земле христианская проповедь, Георгий Победоносец, изображенный на гербе Москвы, Даниил Московский — сын Александра Невского, при котором стала расти Москва, и Савва Сторожевский — основатель знаменитого монастыря в Подмошье, под Звенигородом. На глухих боковых частях северного фасада Филарет предложил два важнейших сюжета русской истории, связанных с решающими сражениями нашего народа: Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Ку-

ликовскую битву и архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий благословляет Минина и Пожарского на освобождение Москвы от поляков.

Всего по вдохновенному замыслу Филарета предполагалось выполнить восемь многофигурных горельефных композиций, сорок фигур, двенадцать икон в закомарах и в верхней части фасадов. Предписание Московского митрополита в последующие годы было выполнено великолепными русскими скульпторами Александром Васильевичем Логановским, Николаем Александровичем Рамазановым и Петром Карловичем Клодтом. Логановский создал все многофигурные композиции и большинство фигур, Рамазанов выполнил медальоны, а знаменитый автор коней на Аничковом мосту Санкт-Петербурга исполнил статуи русских святых восточного фасада.

Выбор сюжетов для скульптурных изображений храма Христа Спасителя стал для Филарета торжеством православной справедливости после того, как, не спросив его совета, в Москве поставили Триумфальные врата, увенчанные языческой богиней и посему оставленные без владычного благословения. Храм Христа Спасителя призван был стать подлинно русским храмом. Филарет убрал отовсюду изображения треугольника “Всевидящее Око”, мелькавшие на предыдущих проектах — и у Витберга, да и у Тона. Собственно, ничего предосудительного в треугольнике, олицетворяющем Троицу, нет, и его можно видеть на множестве православных храмов, особенно тех, что построены в XVIII и XIX столетиях. Но ту же символику всегда охотно использовали и используют масоны, и святитель Филарет рассудил: можно обойтись и без этого.

Беседуя со многими людьми о построении храма, святитель немало думал о необходимости постоянного напоминания им, что не одной внешней церковностью живет христианство. Делание соборное, общее, соблюдение устава церковной жизни должно сочетаться с деланием духовным, душа должна быть исполнена высшей истины, а соблюдение правил — являться выражением этой исполненности.

В 1844 году исполнилось пятьдесят лет Чаадаеву. Восемь лет назад разразился скандал с печатанием его первого философического письма. С той поры многое изменилось. Петр Яковлевич, уже не тот кудрявый приятель кудрявого Пушкина, а изрядно облысевший, жил в своем доме на Басманной улице в Москве под надзором — время от времени к нему для освидетельствования являлись полицейский чиновник и врач-психиатр. Но с годами появился у него и более благоприятный надзор — со стороны святителя Филарета. Чаадаев не мог не знать о том, что Филарет отвечал ему после выхода первого философического письма, и не мог не заинтересоваться личностью своего оппонента. Он читал его проповеди, сначала выходявшие разрозненно и в списках, затем — собранные в издании, финансируемом Лобковым. Он стал наведываться на Троицкое подворье, познакомился и подружился с его главным обитателем, стал находить огромное удовольствие в беседах с митрополитом. И в Чаадаеве стали происходить очевидные духовные изменения. Если в нем и было доселе сумасшествие, то никак не такое, которое лечат психиатры. Человек верующий, Чаадаев в тридцатилетнем возрасте был ослеплен европейской “прогрессивной” мыслью о том, что путь ко Христу должен проходить мимо храма. Теперь он все больше и больше исцелялся от этой слепоты. Теперь из-под его пера выбегали строки, в которых он иначе рассматривал православную Церковь: “Ее роль состояла в том, чтобы явить мощь христианства, предоставленного единственно своим силам; она в совершенстве выполняла это высокое призвание. Родившись под дыханием пустыни, перенесенная затем в другую пустыню, где, живя в уединении, созданном для нее окружавшим ее варварством, она, естественно, стала аскетической и созерцательной. Самое происхождение отрезало ей путь к какому бы то ни было честолюбию. И она, надо сознаться, довела покорность до крайности; она всячески стремилась себя уничижать: преклонять колена перед всеми государями, каковы бы они ни были, верные или неверные, православные или схизматики, монголы или сельджуки; когда гнет становился невыносимым или когда на нее обрушивалось иноземное иго, редко

умела она прибегнуть к иному средству, кроме как заливать слезами церковную паперть или же, повергнувшись в прах, призывать помощь небесную в тихой молитве. Все это совершенно верно, но верно и то, что ничего иного она делать и не могла, что она изменила бы своему призванию, если бы попыталась облечься в иную одежду. Разве только в славные дни русского патриаршества она дерзнула быть честолюбивой, и мы знаем, какова была расплата за эту попытку противоестественной гордыни. Как бы то ни было, этой Церкви, столь смиренной, столь покорной, столь безропотной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она была призвана явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа, — поучительное зрелище, которое мы предъявляем на размышление серьезных умов”. Это уже не то мировоззрение, с которым Филарету следовало вступать в бой.

Социалистические идеи Чаадаев отныне увязывал только с Церковью: “Еще мгновение, и человек выйдет навсегда из сферы отвлеченности, став подлинно социальным существом; отдельные общества отрешатся от своего одиночества и добровольно присоединятся к великой семье народов; естественный строй, в котором народы еще живут противопоставленными друг другу, уступит место строю всеобщему; наконец, человечество, сама идея которого ранее была едва постижима, себя сотворит живым, конкретным, действительным и станет человечеством совершенным, истинным именем которого будет Церковь Господня. Таким же образом мировой разум, осуществляя себя в Красоте, в Истине, в Благе, утвердит себя как органическое целое и установится в Совершенстве”.

Однажды в Английском клубе Чаадаев обронил фразу: “Есть только один способ быть христианином, это — быть им вполне”. Такой христианский максимализм был близок и Филарету, не уставшему повторять, что невозможно одновременно служить и Богу и маммоне. Но этот же максимализм мог отпугивать людей от христианства: если я не могу полностью отречься от мира, стало быть, должен отречься от Христа. Отречься от мира могут лишь единицы праведников, святые люди. Как же тогда быть остальным? Великолепное высказывание Петра Яковлевича нуждалось в пояснении: если ты хочешь стать вполне христианином, надо сперва стать хотя бы не вполне, но постепенно улучшая себя, стремиться к желаемой полноте христианства в себе.

Совершенно иначе Петр Яковлевич стал взирать и на русскую историю, в которой он по молодости лет усматривал лишь некий зловеющий урок всем остальным народам. Теперь, под влиянием общения с Филаретом, он писал: “С одной стороны, — беспорядочное движение европейского общества к своей неведомой судьбе, на Западе колебание почвы, готовой провалиться под стопами новаторского гения; с другой — величаявая неподвижность нашей родины и совершеннейшее спокойствие ее народов, ясным и спокойным взором наблюдающих страшную бурю, бушующую у нашего порога; таково величественное зрелище, представляемое в наши дни двумя половинами человеческого общества, — зрелище поучительное и которым не налобуешься...”

В 1844 году Чаадаев перевел на французский язык проповедь Филарета, произнесенную при освящении церкви в московской пересыльной тюрьме, и отправил во Францию. Там отрывки из этой проповеди напечатал журнал “Le Semeur”. Поскольку автором перевода был Чаадаев, французы присовокушили к публикации лестные высказывания в адрес Филарета, а проповедь назвали реформаторской. На это Петр Яковлевич ответил в письме графу Сиркуру: “Только что получил тот номер “Semeur”, где напечатан отрывок из проповеди нашего митрополита... Было бы лучше, если бы проповедь была напечатана целиком и без странного комментария редакции. К счастью, владыка не обратил на него большого внимания... А насчет того, чтобы видеть в нашем святом владыке реформатора, то от этого нельзя не расхохотаться. Он сам от всего сердца смеется над этим...”

Дружба Чаадаева с Филаретом каждый год становилась все крепче и полезнее для Петра Яковлевича. 15 февраля 1845 года в письме к Александру Ивановичу Тургеневу Чаадаев написал: “Митрополит тебе кланяется. Он так

же мил, свят и интересен, как и прежде”. Тургенев был на два года моложе Филарета. Знакомство их давнее — еще со времен Библейского общества. Когда в 1817 году было образовано Министерство духовных дел и народного просвещения, Тургенев возглавил один из двух его департаментов — департамент духовных дел. С середины двадцатых годов Александр Иванович много жил за границей, где собирал сведения по древней и новейшей истории России. В 1841—1842 годах собранные им материалы были изданы под заглавием “*Historiae Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenevio*”.

Приезжая в Москву, Тургенев непременно спешил на Троицкое подворье повидаться и пообщаться с митрополитом. А когда он снова уезжал, они обменивались письмами. Впрочем, сам Филарет несколько настороженно относился к Александру Ивановичу, о чем высказывался в письмах к архимандриту Антонию.

Совсем иное отношение у святителя Филарета было к Алексею Степановичу Хомякову, поэту, историку, богослову, одному из основателей славянофильского направления русской философии. С середины тридцатых годов Алексей Степанович становится постоянным гостем Троицкого подворья. Беседы с Филаретом наталкивают его на мысль о создании емкого, но лаконичного сочинения о необходимости всякого верующего быть прихожанином Церкви. Нередко можно было тогда на Руси видеть печальную картину полупустых, а то и вовсе пустых храмов, особенно в Петербурге. Притекающие с Запада идеи о том, что Бог внутри нас и Церковь вовсе не обязательна, тешили многих, нестойких в вере. Особенное распространение получили мысли немецкого либерального богослова Фридриха Шлейермахера, в основном высказанные в его книге “Христианская вера”. Главным в его теориях было утверждение индивидуализма — человек способен познать Бога только в собственном религиозном опыте, в сокровенном чувствовании, а церковная жизнь уводит его от такого познания, превращаясь в часть общественного бытия. Христос в понимании Шлейермахера не является искупителем грехов человечества, а только непревзойденным учителем нравственности. Это вполне укладывалось в протестантские рамки, облегчающие христианство, отсекающие от него и жертвенность, и мысль о воскресении, и страх перед вторым пришествием, а стало быть, и существование утверждаемой в “Символе веры” жизни будущего века. Под влиянием таких идей молодой Михаил Александрович Бакунин в 1836 году писал: “Цель жизни — Бог, но не тот Бог, Которому молятся в церквях, но тот, который живет в человечестве, который возвышается с возвышением человека”.

Филарет в это время стал верховным церковным охранителем, выступая в защиту Церкви в своих великолепных проповедях. Под влиянием их и бесед со святителем в конце тридцатых годов Хомяков, приступая к написанию своего главного произведения “Записки о всемирной истории”, написал статью “Церковь одна”. Он говорит:

“Церковь видимая и земная живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, глава которого есть Христос”.

Филарет приветствовал движение лиц, не принадлежащих к духовному званию, к осмыслению христианской религии, и вместе с тем опасался, что в их рассуждениях немало обнаружится заблуждений. Внимательно следил за тем, что они писали, не советовал торопиться с публикациями.

В январе русское общество всколыхнулось спорами по поводу только что вышедших гоголевских “Выбранных мест из переписки с друзьями”. Равнодушных эта книга не оставила.

С наибольшим волнением Гоголь ждал оценки его труда со стороны Церкви. А духовенство в основном проявило сдержанность, осторожно относясь к сочинениям на религиозные темы, созданным автором сатир на русское общество. Пусть даже и сатир, в которых не доставалось оплеух только одному сословию — духовному.

Гоголь послал свою книгу разным лицам духовного звания. Большинство из них ответило одобрением без восторгов и легкой критикой, как, например, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий, написавший в

письме Погодину: "...скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его, а люблю по-прежнему, радуюсь перемене с ним, только прошу его не парадировать набожностью: она любит внутреннюю клеть. Впрочем, это не то, чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи особенно, но если он будет неумерен, то поднимут на смех, и пользы не будет".

Но были и резкие суждения. Настоятель петербургской Троице-Сергиевой пустыни святитель Игнатий (Брянчанинов), считавшийся одним из наиболее авторитетных духовных писателей того времени, писал, что книга "Выбранные места из переписки с друзьями" "издает из себя и свет, и тьму", а о самом Гоголе, что "религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешано. Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ".

Более всего отцов Церкви возмущала внезапность превращения Гоголя. Еще недавно он был звездой в суетном свете, и вдруг хочет встать вровень с духовными писателями. Из сатириков — в богословы! Тот же Игнатий (Брянчанинов) советовал Гоголю обратиться внимание на опыт святых отцов, которые долгими годами, десятилетиями совершали духовное очищение и лишь после этого брались писать книги. Именно здесь крылась главная причина неприятия книги Гоголя большинством представителей Церкви.

Наиболее же радикальным оказался в своих суждениях ржевский протоиерей отец Матфей Константиновский, в ближайшем будущем ставший духовным наставником Николая Васильевича. Он славился как яркий представитель воинствующей Церкви. Ближайший друг и покровитель Гоголя граф Александр Петрович Толстой посоветовал писателю отослать книгу отцу Матфею, что он скажет. Отец Матфей написал, что книга эта вредная, что Гоголь даст за нее ответ Богу, что с именем Христа на устах нельзя идти в театр, что быть светским и духовным писателем одновременно невозможно, что нужно отречься от всей прошлой жизни, от всех своих книг.

Отца Матфея впоследствии представили как изувера, иезуита, вершившего суд над Гоголем и доведшего его до изнурения и смерти. Сам Гоголь считал его своим главным благодетелем. "Отец Матфей был искреннейший христианин, — писал много лет спустя замечательный публицист, писатель, историк Евгений Николаевич Поселянин. — Чрез всю жизнь его проходит красною нитью убеждение, что "нельзя служить Богу и мамоне", что "желающий быть другом миру — бывает врагом Богу".

Об этом же нередко твердил святитель Филарет, иной раз навлекая на себя недовольство со стороны сильных мира сего, как раз желающих служить и Богу, и миру одновременно. Под служением миру понималась, разумеется, не любовь к ближнему, а разделение с миром его грехов. Любовь к ближнему как раз и считается в христианстве одной из главных составляющих служения Богу.

"И Гоголям, и Достоевским оставьте их ненасытную тоску по Боге, их порывы туда, в светлую даль небес; предоставьте им, отравленным дыханием вашего мира, изнемогающим среди ваших хваленых радостей, предоставьте хоть в последнюю пору их жизни им, отдавшим всю, каплю за каплей, кровь свою на служение обществу — право искать и стремиться к той в ваших глазах презренной, ненужной и не могущей уже служить источником ваших художественных наслаждений, ваших развлечений, вашей забавы — праведности и святости, в которой опытом и размышлением всей жизни нашли они, наконец, единственный путь с счастьем. Вы не поймете их души!" — писал все тот же Поселянин спустя пятьдесят лет после кончины Гоголя.

И, наконец, для нас важно, как же отнесся к "Выбранным местам из переписки с друзьями" митрополит Московский и Коломенский Филарет. Не переставая внимательнейшим образом следить за всеми заметными явлениями русской литературы, он, конечно же, одним из первых прочитал и новую книгу Гоголя. До нас дошло одно-единственное суждение Филарета, пересказанное в письме Сергея Тимофеевича Аксакова к сыну Ивану, датированном

январем 1847 года. Старший Аксаков, встретившись с митрополитом, по-видимому, принял резко критиковать Гоголя. И святитель Филарет в своейственной ему мягкой, добросердечной манере решительно ответил:

— Хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению.

И с годами именно это суждение Филарета стало приниматься Церковью как главное в отношении последних лет жизни Гоголя и в отношении его духовной прозы.

Филарет не мог не видеть, что многое из того, о чем написал Гоголь, со-звучно его проповедям, многое, возможно, и написано под влиянием проповедей Филарета. Оба они, и великий проповедник, и великий писатель, взывали к своим слушателям и читателям: “Опомнитесь!”

— Тысячи христианского народа бегут по следам языческого легкомыслия; и находятся люди, которые о делах легкомыслия, как о достопамятных, повествуют с торжеством и похвалами, — говорил Филарет в те же дни, когда общество с возмущением читало “Выбранные места из переписки с друзьями”, в котором как раз и осуждалось все это языческое легкомыслие.

— Плоть хочет веселиться, рассыпаться в смехе, даже, может быть, скакать и произносить или с удовольствием слушать бесчинны кличи, и подобное сим; порази ее ударами не ножа или бича, но духовного слова, — взывал Филарет в то время, когда Гоголь ужаснулся тому, что заставлял людей “рассыпаться в смехе”. — Плоть раздражается на оскорбившего и порывается на взаимное оскорбление: связки ее не узами вервяными или железными, но узами духовного рассуждения, и страха Божия... Плоть, не довольствуясь необходимым, жаждет приятного, ищет наслаждения, и готова поставить оное целью жизни: укажи ей иной предмет и цель, — крест, водруженный на Голгофе для того, чтобы лишениями и страданиями очистить землю от нечистых наслаждений... — так Филарет утверждал закон о том, что невозможно служить одновременно и Богу и мамоне.

Гоголя и Филарета родило то, что оба много болели. Филарет часто жаловался, что из-за недугов своих не может успеть сделать все задуманное. Но не мог он не оценить и рассуждений Гоголя о благодати болезней: “О! Как нужны нам недуги!.. Не говорю уже о том, что самое здоровье, которое не престанно подталкивает русского человека на какие-то прыжки и желание порисоваться своими качествами перед другими, заставило бы меня наделать уже тысячу глупостей... Не будь таких болезненных страданий, куда б я теперь не занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя!.. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла”.

В целом не получив благодарности от России за написание и публикацию “Выбранных мест”, Гоголь стремился к святым местам. Впереди у него было паломничество в Иерусалим. В ближайшие годы он мог бы стать таким же православным писателем и паломником, каковым являлся друг митрополита Филарета Андрей Николаевич Муравьев. Другое дело, что на этом поприще они могли бы стать непримиримыми соперниками. Властный Муравьев, полный сил и здоровья, едва ли потерпел такого соперника, к тому же обладающего значительно большим литературным дарованием. Нередко Андрей Николаевич и самому Филарету высказывал замечания, и тому приходилось покорно их выслушивать. Представим себе, что теперь бы появился еще и Николай Васильевич!..

Но история не терпит этого “бы” и всегда выплевывает его.

В конце 1948 года Гоголь вернулся из паломничества в Святую Землю и вновь поселился в Москве у графов Толстых в доме Талызина на Никитском бульваре, том самом, во дворе которого ныне он сидит в виде памятника. Начался последний период жизни великого писателя. В декабре Николай Васильевич, наконец, поддался уговорам Александры Осиповны Смирновой, имевшей на него огромное влияние, и осмелился лично познакомиться с Московским Златоустом.

Великий писатель явился к великому проповеднику в сопровождении композитора Большого театра Алексея Николаевича Верстовского, с которым в то время крепко подружился. Увы, мы не знаем содержания той беседы, но можно предположить, что говорили много и о самом важном. Эту догадку можно было бы подтвердить словами Гоголя из письма С. П. Шевыреву, написанному позже, в 1851 году, когда Николай Васильевич снова собирался навестить к Филарету, но так почему-то и не осуществил своих намерений: “К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах, на которые, право, в нынешнее время поглупел. Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходимы изнемогающей душе моей”. Стало быть, вероятнее всего, что в первый визит он как раз беседовал с Филаретом “о каких-либо умных предметах”.

Одно можно сказать точно: встреча произвела на Гоголя сильнейшее впечатление, что отразится в самые последние дни его жизни. “Свобода или смерть!” — девиз многих столетий. Как будто человек вечно выбирает, на ком из двух этих сестер жениться. А порой приглядишься — сестры-то близнецы! Как только где-то крикнут: “Свобода!”, тут же вскоре жди, что прокричат: “Смерть!” И пойдет страда.

В последний год своей жизни Николай Васильевич много и жадно читал изданные проповеди святителя Филарета, поскольку никто другой так не соответствовал его желанию усовершенствоваться, никто другой не уверял столь несокрушимо, что если мы христиане, то должны служить небу, а не миру, что служить Богу и одновременно мамоне нельзя. Однажды, будучи в гостях, когда предложено было вслух читать Пушкина, и ожидалось, что Николай Васильевич горячо поддержит такое предложение, он неожиданно для всех воспротивился, напомнил, что идет Великий пост, и стал читать филаретовскую “Беседу о прикосновении веры ко Христу”. В ней Московский Златоуст вспоминал евангельское событие, как народ толпился вокруг Спасителя, мечтая прикоснуться к нему, и не каждому удавалось, поскольку толпа была огромна, но тем, кто горячо верил, удавалось. “В чем же состоит сей особенный образ приближения ко Христу, сопровождаемый не мертвым приражением, но живым прикосновением, извлекающим из Него спасительную силу? — Сие также ясно показывает Господь в лице кровоточивой, которая из множества теснящегося к нему народа одна умела к Нему приблизиться и прикоснуться, и чрез прикосновение получила исцеление. Ибо что говорит Он ей? — *Дерзай, дщи, вера твоя спасе тя* (Лк. VIII, 48)”. И Гоголь остро ощущал себя как та кровоточивая.

Незадолго до смерти 10 февраля 1952 года, последний предпостный день, он добровольно пытался вверить себя в руки духовной цензуры — вручил свои рукописи графу Александру Петровичу Толстому, на квартире у которого жил. Просьба такова: передать эти бумаги митрополиту Московскому, дабы тот мог определить, что нужно печатать, а что должно истребить. Толстой испугался, что Гоголь тем самым прощается, и если он возьмет рукописи, то приблизит кончину любимого друга. И не принял доверенного ему поручения. Думается, что напрасно. Вообразим: он является к Филарету с таковой просьбой Гоголя. Филарет наверняка бы умилился и сам примчался к Николаю Васильевичу, чтобы приободрить. Вместо этого Гоголь взял бумаги, предназначенные для прочтения Филарета, и в ночь с 11 на 12 февраля сжег их в печи.

Граф Толстой, вероятно, раскаялся в том, что не отвез бумаги Гоголя митрополиту и тем самым стал косвенным соучастником их сожжения. Александр Петрович поехал-таки к Филарету, был принят им, рассказал все, как на духу. Митрополит посочувствовал и прослезился, услышав о христианском усердии писателя.

— Передайте ему, что сама Церковь повелевает в недугах предаться воле врача, — ответил он. — Убедите его, что спасение не в посте, а в послушании. И пожалуйста, докладывайте мне ежедневно о состоянии Николая Васильевича. Не вы, так отец Алексей, не он, так отец Иоанн.

Отец Алексей Соколов являлся приходским священником в церкви, ку-

да в последнее время ходил Гоголь, а отец Иоанн Никольский и вовсе был духовником Николая Васильевича.

Толстой передал Гоголю слова Филарета, и тот разрешил врачам проводить курс лечения, который, однако, как доказано, не столько помог выздороветь, сколько ускорил кончину. Но дело было не в болезни, и исцелением Гоголя явился сам уход его из жизни... Нам бы, конечно, хотелось видеть митрополита Филарета и на отпевании Гоголя в Татъянинском университетском храме, и в траурной процессии, и при погребении на кладбище Свято-Данилова монастыря, хотелось бы прочесть проникновенные строки, посвященные этой удивительной, хоть и болезненной, но непостыдной и христианской кончине великого русского писателя. Но, увы, ничего этого нет... Да и Гоголь не был духовным чадом Филарета, в отличие от ясноглазой игуменьи, смерть которой последовала в том же году.

“Отцу наместнику и братии мир духовный.

Поздравляю и с миром внешним, который подписан в Париже в прошедшее воскресенье. Услышав о нем, я почувствовал некоторое успокоение от скорби, заботы и опасения, но не радость. Вчера узнав о нем, вчера же прочитал я, что английский министр почитает его не миром, а чем-то похожим на мир. Бог мира да дарует нам истинный и совершенный мир”, — писал святитель Филарет преподобному Антонию 21 марта 1856 года.

Закончилась военная пора. В Париже был подписан мирный договор. Завершилась сорокалетняя эпоха трудного первенства России в Европе, продолжавшаяся после разгрома Наполеона и Венского конгресса с 1815 по 1856 год. Можно сказать, столица Европы из Петербурга вернулась в Париж.

Принято считать, что Россия проиграла Крымскую войну. Однако внимательное изучение Парижского трактата никоим образом этого не подтверждает. Да, России запрещалось иметь флот в Черном море, но так же и никакое другое государство не могло его иметь здесь, включая Турцию, поскольку в статье XI сказано: “Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав”. Стало быть, здесь мы ущемлялись наравне с другими. Статья II предусматривала: “Вследствие счастливого восстановления мира между их величествами, земли, во время войны завоеванные и занятые их войсками, будут ими очищены”. Россия отдавала туркам Карс, а французы и англичане, согласно статье IV, возвращали “императору всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками”. Согласно статье IV, все военнопленные всех сторон возвращались. Мало того, в статье IX удовлетворялось русское требование относительно христианских подданных Османской империи: “Е. и. в. султан, в постоянном попечении о благе своих подданных, даровав фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданиям или племенам, и утверждаются великодушные намерения его касательно христианского народонаселения его империи, и желая дать новое доказательство своих в сем отношении чувств, решил сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению, фирман”. Валашское и Молдавское княжества закреплялись за Турцией, но в статье XXIII оговаривалось: “Блистательная Порта обязуется оставить в сих княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства”. То же касалось и Сербии. Расходы на исполнение всех статей Парижского трактата ложились поровну на все страны. Такого не бывает, если одна какая-то страна проиграла.

Утверждение о поражении России в Крымской войне выгодно было только антигосударственным силам внутри самой России и Герцену в Лондоне как удостоверение несостоятельности правящей монархии. На самом деле никакого поражения не было, если не считать взятия южной части Севастополя. Парижский мирный договор равноправен и не ущемляет ничью сторону.

Мало того, более всех считал себя проигравшим народ Англии! Во время торжеств в Лондоне по случаю заключения мира люди шли с лозунгами о том, что война проиграна с позором.

В России первым о том, что Европа не добилась победы, заявил Московский Златоуст. Через десять дней после выхода высочайшего манифеста об окончании войны митрополит Филарет встречал Александра II в Успенском соборе Московского Кремля с такой речью:

— Благодетельнейший государь! К тебе очи наши и сердца, как прежде; тогда как не прежнее видим в твоём втором царском лете. Ты наследовал войну, упорную против нас и против мира; и даровал нам мир. Твоя правда и мужество не отказывались от войны; твое человеколюбие не отказалось от предложенного мира. Не победили России враги — ты победил вражду. Христианскою мыслию одушевлял ты войну; христианскою мыслию осуществляешь мир. Благодарно тебе Отечество, и чуждые отдают тебе справедливость и отдадут полнее, когда утихнут страсти. Крепко должны мы молить и молим Бога, чтобы благопоспешал тебе искусством и попечением уврачевать раны, без которых не могла быть война, чтобы, по слову пророка, правда и мир облобызались в державе твоей, и чтобы плодом их было совершенное благоденствие.

...Но всюду продолжали твердить о поражении России в войне. Филарет яростно спорил: “Неверно, — писал он своему другу Сергею Михайловичу Голицыну. — Англичане побеждены нами; и для французов невелико торжество, когда они от нескольких укреплений отбиты и только одно взяли... Они немало наказаны: их много погибло собственно от войны, много истреблено болезнями и бурями на море. Следственно правосудия не только ожидать должно в будущем, но частью оно уже явилось”.

Александр Иванович Карасевский по болезни просил освободить его от исполнения обязанностей, и 20 сентября Филарет узнал радостную новость — кто стал новым обер-прокурором Синода. Прекрасный человек, тот самый, у которого в последнее время жизни имел приют и ласку Гоголь. Граф Александр Петрович Толстой. Ему было пятьдесят четыре, в молодости он ходил в походы по обозрению Каспийского и Азовского морей и истреблению морских разбойников, принимал участие во всех военных действиях отряда и был награжден орденом святого Владимира 4-й степени с бантом. Оставив военную службу, поступил в Коллегию иностранных дел, был причислен к посольству в Париже, ездил с дипломатическими поручениями в Константинополь, откуда ездил, как сказано в его послужном списке, “в окрестные страны для военно-топографических описаний и с секретными поручениями”. По объявлении в 1828-м войны Турции Александр Петрович снова поступил на военную службу, воевал под командованием генерала Дибича. За отличие при взятии турецких крепостей Айдаса и Бургаса он был награжден орденами святой Анны 3-й степени с бантом и 2-й степени с золотой шпагой с надписью “За храбрость”, назначен флигель-адъютантом к императору Николаю I, однако после окончания войны решил продолжать службу по Министерству иностранных дел и вышел в отставку. В 1830-м получил придворное звание камергера и назначение первым секретарем Русской миссии в Греции. Это назначение не устроило его, и он перешел в Министерство внутренних дел, в тридцатые годы являлся сначала Тверским гражданским губернатором, а затем Одесским военным губернатором. В сороковые годы от государственной службы отошел, жил то за границей, то в Москве, где нередко дружески общался с митрополитом Филаретом. Когда разразилась Крымская война, Толстой принял должность начальника Нижегородского ополчения.

И вот он — обер-прокурор. Давно не было таких обер-прокуроров, от которых не жди подвоха. “Трудно найти человека, более преданного Церкви, более готового на всякое улучшение и в то же время менее склонного проводить какие-нибудь личные расчеты в управлении столь важною частью... Он принадлежит к разряду тех людей, которых я не умею иначе охарактеризовать, как назвать их оптинскими христианами. Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей

к духовной высоте жизни, жаждущие, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и прочих. И он сам в своей жизни именно таков. Никто менее не способен мириться с казенностью, с формализмом и с мирскою суетой в деле христианства” — писал об Александре Петровиче философ и публицист, духовное чадо Филарета, Никита Петрович Гиляров-Платонов в письме Александру Васильевичу Горскому, профессору, а впоследствии ректору Московской духовной академии.

Тертий Иванович Филиппов, будущий Государственный контролер, служил при Толстом чиновником особых поручений по вопросам Восточных православных церквей и оставил такие воспоминания: “Назначение гр. Александра Петровича обер-прокурором Св. Синода последовало (20 сент. 1856) во время пребывания государя в Москве по случаю венчания на царство и, при всей своей неожиданности, никого не изумило, напротив, всем показалось совершенно естественным: так успел уже сложиться и отпечататься в общем представлении вполне соответствовавший этому назначению его нравственный образ. Сам он принял это внезапно и мимо его воли совершившееся назначение за призвание, которому он обязан был повиноваться, и в этой мысли находил успокоение от тех внутренних тревог, которых он не мог не испытывать при живом представлении сопряженных с его избранием многообразных и трудных задач, при его утонченной добросовестности и при ясном сознании не-правильности установившихся отношений обер-прокурора к Св. Синоду”.

По свидетельству Филиппова, “он усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строгости в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, напр., полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...”. Известный славянофил, философ и публицист Иван Васильевич Киреевский говорил о Толстом: “Легче становится жить после встречи с таким человеком, как граф Александр Петрович”.

Новый обер-прокурор первым делом решил взяться за такую важную тему, как переводы Священного Писания. Для того чтобы еще больше заручиться поддержкой, он отправил проект протокола Синодального собрания другому Филарету (Амфитеатрову) — митрополиту Киевскому. А тот вдруг ответил резким отказом. И в октябре Филарет Московский писал заместителю Троице-Сергиевскому горестно: “А дело о переводе Священного Писания, кажется, подвергнется возражениям нового синодального обер-прокурора. Владыка Киевский объявил ему свое решительное мнение, что переводить не должно, дабы сие не повело к забвению славянского языка, который есть богослужебный. — Воля Господня да будет. — Господь да устроит полезное для Церкви Своей, Ему Единому непогрешительно ведомое”.

Что тут скажешь? Конечно, можно понять опасения тех, кто выступал против перевода. Но в конце концов перевод совершился, и мы уже скоро полтора века живем, имея Библию как на старославянском, так и на русском языке, и сие не привело к забвению старославянского языка!

Неверующему не понять, как можно с любовью думать о смерти. Да и веруя, все равно поражаешься тому, как Филарет говорит о кончине. Как о рождении. Разумеется, не в том понимании, как у спиритов, не в смысле переселения души в другое тело. А о рождении — в мир невидимый: “Вчера мы воспели погребальная над Александром Ивановичем Карасевским. Он благонамеренно напутствовал себя таинствами, кончался около суток и родился в невидимый мир в день, и близко к часу, в который Христос Спаситель родился в видимый мир”.

Весь 1857 год шла борьба за разрешение перевода Библии. Столкнулись два Филарета. Столкнулись не враги, а искренние друзья и единомышленни-

ки во всем, кроме этого вопроса. Филарет Киевский не без основания боялся, как бы не случилось то же, что в Европе, как бы перевод не послужил отправной точкой к появлению у нас некоего подобия лютеранства. Филарет Московский нигде не проявлял беспокойства на сей счет, а значит, был уверен — в России зарождение лютеранства невозможно. В необходимости перевода он не сомневался. Сия необходимость вытекала из миссионерских потребностей на просторах бескрайней империи. Обер-прокурор Толстой, любя обоих Филаретов, все же склонился к мнению Киевского.

Митрополит Филарет Киевский, в миру Федор Григорьевич Амфитеатов, был на три с половиной года старше Филарета Московского, и в то время по уважительности стоял наравне с ним. Когда Филарет (Дроздов) получил Московскую кафедру, Филарет (Амфитеатов) являлся еще только епископом Калужским и Боровским, затем стал епископом Рязанским, возведен в сан архиепископа, переведен в Казань, а 18 апреля 1837 года был назначен митрополитом Киевским, решительно боролся с униатством и содействовал массовому переходу униатов в лоно Русской Православной Церкви. При нем пышно расцвела Киевская духовная академия. Поселившись в Киево-Печерской лавре, митрополит Филарет занялся устройством внутренней жизни лаврской обители по правилам монашеского жития, установленного основателями лавры — преподобными Антонием и Феодосием Печерским.

Филарет (Амфитеатов) весьма уважал своего московского тезку, но в деле перевода Библии изначально стоял против него и свою позицию выдержал до конца дней. После 1855 года он сильно хворал и любил говорить, что число дней его сочтено. Действительно, жить ему оставалось мало, и его борьбу против перевода Священного Писания в 1857 году можно назвать предсмертной. Он выдвинул семь возражений. Первое: несмотря на то, что еврейский язык постоянно менялся, книжники оставили текст Ветхого завета без изменений, ограничиваясь его истолкованием для народа, а стало быть, и нам следует поступать так же. Второе: ввиду возможных повреждений еврейского текста Господь сохранил его в образе греческого перевода, “Септуагинты”, и сей перевод сделан “под несомненным руководством Духа Божия”. Третье: Восточная Греческая Церковь, приняв Септуагинту, не переводила ее на новогреческий язык, а толковала народу Библию по старому переводу. Четвертое: перевод Российского библейского общества “сделан не только не с благословения иерархов греческих, а решительно без их ведома и вопреки их воле”. Пятое: славянский перевод, осуществленный святыми Кириллом и Мефодием, основан на Септуагинте. Шестое: другие славянские Церкви не делают переводов на языках своих народов. И седьмое: мысль о русском переводе родилась не в среде иерархии и не в народе, а пришла из Англии, “гнездилища всех ересей, сект и революций”. Последнее было несправедливо, получалось, что она пришла из Англии, но Филарет (Амфитеатов) ее прогнал, и тогда она прямиком — к святителю Филарету (Дроздову), который либо не знал, какова Англия, либо, что еще хуже, знал и стал сторонником мысли, явившейся из “гнездилища всех ересей, сект и революций”.

Итак, схлестнулись две правды — правда осторожная и правда смелая. И это хорошо. Не было бы первой, возможны были бы вольности. Не было бы второй, невозможным стало бы миссионерство на просторах империи. Полемика двух Филаретов подобна полемике в XV—XVI веках между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским о монастырском стяжательстве и нестяжательстве и об отношении к еретикам — миловать или жечь, где правы оба, и в споре не уничтожают один другого, а этим спором с двух сторон мощными подпорками держат Истину.

“Будучи обязан дать по настоящему делу отзыв, призываю Бога, Творца Священного Писания, давшего в лице святых апостолов Церкви Своей дарование языков и наречий, дабы все народы сперва слышали проповедуемое, а потом и читали написанное слово Его каждый на понятном языке и наречии; Бога призываю, чтобы Он не попустил моей мысли и слову уклониться от того, что Ему благополучно и полезно Церкви Его вообще и душам христианским порознь”, — писал Филарет Московский, вступая в полемику с Филаретом Киевским по каждому из семи возражений. Дать ответы на воз-

ражения Киевского владыки его попросил сам император, и ответы эти были очевидны: евреи не переводили древние тексты, но на греческий-то был сделан перевод; греки не переводили с древнегреческого, но на славянский-то был сделан перевод Кириллом и Мефодием, а теперь старославянский столь далек стал от русского, и особенно в последние полвека, что не только паства, но и духовенство далеко не все понимает из того, что есть в Священном Писании. Есть языки, надолго замедляющиеся в своем развитии, а есть развивающиеся стремительно. Французский XVIII века мало чем отличается от нынешнего. Русский сильно переменялся. Прозу XIX столетия наш современник понимает без труда, а написанную в XVIII веке уже не так легко, не говоря уж о той, что отстоит от нас на пять-шесть веков. Язык Шекспира в целом понятен англичанину, а язык русских современников Шекспира нынешним русским кажется диковинным.

На возражение, основанное на том, что другие восточные православные Церкви не стремятся к новым переводам, Филарет Московский справедливо отвечал, что, находясь под игом мусульман, они не имеют переводчиков, оттого-то и не переводят.

Теперь оставалось терпеливо ждать, чью же точку зрения одобрит царь, а следом за ним и обер-прокурор. А государь тем временем уже был поглощен мыслями о крестьянской реформе, и с 3 января 1857 года приступил к работе особый тайный комитет под личным председательством Александра II.

Решения относительно перевода Библии так и не было. Святитель печалился, сердился... 31 мая ему была объявлена благодарность Святейшего Синода за особенное, постоянное попечение о благоустройстве Московской духовной академии, но лучше бы вместо благодарности — давно ожидаемое разрешение!

Когда Филарет узнал о решении ставить в Новгороде памятник тысячелетия России, не очень одобрил, написав Антонию, что сие “предприятие не от высокого мудрствования произошло”, выделил от епархии весьма скромное пожертвование на этот монумент. По-своему он был прав. Сейчас мы уже привыкли, что в Новгороде стоит микешинский шедевр, а тогда идея создания памятника с огромным множеством фигур из десяти столетий русской истории вполне могла отпугивать, ведь ко многим персонажам не было и нет единодушного отношения. Взять, к примеру, образ Ивана Грозного. Общество русское до сих пор расколото на два полярных лагеря. Одни проклинают первого русского царя, продолжают снимать о нем чудовищные фильмы, сочиняют новые его злодеяния. Другие готовы хоть сейчас провозгласить Ивана Васильевича святым. И во время создания памятника в Новгороде сколько было споров и ссор из-за того, включать или не включать в русский пантеон ту или иную фигуру! Так что и впрямь, идея хорошая, но не безупречная.

Зато не переставало радовать продолжение строительства храма Христа Спасителя, которое святитель мог наблюдать и из окон дома Сергея Михайловича, и лично посещая стройку. Константин Андреевич Тон во всем советовался с Филаретом, вносил изменения в проект по ходу работ, окружил окна барабана большой главы купола аркадой, сами купола, и малые и большой, сделал ребристыми, появились раковины, подобные тем, что на закомарах Архангельского собора Кремля. По поводу формы алтарных окон Филарет лично давал письменное пояснение генерал-губернатору: “В древних соборных храмах, например, в Успенском соборе, на восточной стене три окна, конечно, с мыслью о троичном свете пресвятой Троицы, и в новозданном храме Христа Спасителя на восточной стороне три окна. Следовательно, сие согласно с древним церковным обычаем и заделывать сии окна не нужно. Да и для света в алтаре они полезны. Вставить в них цветные стекла с изображениями святых или святым крестом в среднем окне тоже будет соответственно месту и благолепию алтаря”.

В 1851 году храм Христа Спасителя был окончен вчерне, но еще несколько лет стоял в лесах — продолжалась отделка его с внешней стороны, устанавливались знаменитые горельефы, которые первоначально предполагалось делать из бронзы способом гальваноластики, поскольку каррарский

мрамор в московском климате подвергался бы разрушению, однако до этого в цоколе, базах, пилястрах, колоннах, карнизах и фасадных арках попробовали использовать протопоповский мрамор, он оправдал надежды, так что решили остановиться на нем и при изготовлении горельефов.

Храм, снаружи уже почти готовый, оставался в лесах. И “в лесах” оставалось дело о переводе Библии, хотя чаша уже склонялась в пользу Филарета. Мнение государя склоняло чашу сию. А следом за царем готов был примириться и обер-прокурор.

В доме у Сергея Михайловича не раз заходили разговоры о готовящейся крестьянской реформе. Ни сам Голицын, ни его высокопреосвященнейший гость не разделяли восторгов по поводу замыслов царя отменить крепостное право. Оба были в этом вопросе заядлыми ретроgrадами.

— Одно меня утешает в моей близкой кончине, — говаривал Сергей Михайлович, — это то, что я не увижу готовящейся эмансипации крестьян, сего переворота, который, по моему убеждению, не пройдет спокойно.

“Приезжающие из Петербурга сказывают, что там сильный говор об изменении положения крестьян, — писал Филарет в лавру. — И дважды мне сказывали, но не знаю, из какого источника почерпнули сведения, что предподобный Сергей явился к государю императору и дал наставление не делать сего. Господь да сохранит сердце царево в руке Своей и да устроит благое и полезное”.

Перед тем как начать реформу, царское правительство провело очередную, десятую по счету ревизию. Первые девять ревизий проходили в отрезке времени с 1747 по 1837 год, и все они показывали устойчивую цифру — сорок пять процентов населения России составляли крепостные. Ревизия 1857—1858 годов показала новую цифру — тридцать семь процентов, то есть крепостных уже было меньше, нежели свободных.

К этому времени остатки крепостного права уже были истреблены и в Германии, и в Польше, и в Австро-Венгрии. Рабовладельческой страной являлись Соединенные Штаты, где в пятнадцати штатах, не отказавшихся от рабства, на двенадцать миллионов населения приходилось четыре миллиона негров-рабов, то есть из трех человек один был — раб. При этом надо помнить, что положение негров в Америке было значительно хуже, чем положение крепостных в России середины XIX века.

В 1857—1859 годах в России прошла перепись населения. Оказалось, что подданными Александра II являются семьдесят четыре миллиона человек, из которых двадцать миллионов — крепостные крестьяне, два миллиона — удельные, то есть проживающие на землях, принадлежащих императорской семье, и восемнадцать миллионов государственных крестьян, то есть прикрепленных к земле, но имеющих личную свободу. В Эстляндии, Курляндии, Лифляндии, в Земле Черноморского войска, в Приморье, в Семипалатинской области, в области Сибирских киргизов, в Дербентской области и Прикаспийском крае, в Эриванской, Архангельской и Шемахинской губерниях, в Забайкалье и Якутии крепостных крестьян не было вообще. В остальных местах наименьший процент был в Бессарабии — один, а наибольший — шестьдесят девять — на Смоленщине.

Как бы то ни было, проблема оставалась. Среди тех, кто выступал против, в основном были не противники реформы как таковой, а противники предлагаемых мер решения вопроса. За три года до манифеста об отмене крепостного права Филарет писал: “В Австрии новое устройство крестьян, которому наше хочет быть подобным, не оказалось удачным. Некоторые земли, которые по власти помещиков обрабатывались, по свободе крестьян остаются необработанными. Усвоенные крестьянам усадьбы продаются с аукциона за неуплату податей; следственно, умножается нищенство. Но у нас, кажется, могло бы быть лучше, если бы добрые помещики хорошо растолковали дело крестьянам и постановили с ними обдуманное соглашение. Один помещик призвал старшин своих крестьян, дал им прочитать, что предложено от правительства; и хотя первое слово их было: лучше по-старому, но, видя необходимость, они стали рассуждать о соглашении. Помещик предложил им

усадьбы не с выкупом, а в дар; потом назначил, сколько им дает земли для обрабатывания, с какою платою за десятину, а находившуюся у него помещичью запашку вызвался обрабатывать наймом, и они, соглашаясь на прочем, о последней статье сказали: нет, барин, разоришься; наем вольных тебе будет дорог; и скажи, чтобы мы сию долю обрабатывали тебе как прежде; это нам не тяжело. Так, продолжая соглашение, они составили правила, в которых взяли предосторожности и против расстройства от своеволия. Если бы так вошли в дело лучшие, и у худших оно могло бы устроиться с меньшим опасением вреда. Но многие ли поймут и постараются?”

Откуда-то взялись слухи, что Филарет тоже призван участвовать в разработке реформы. Он решительно открещивался: “Дела крестьян касаться я и не думал. И не мое дело, и трудно представить, что можно было бы благонадежно сделать, когда дело получило ход, возвратиться неудобно, призванные действители не видят, что делать, и между ними нет единства. Надобно молиться, чтобы Господь наставил их на истинное и полезное”.

Да, в это время Филарет пока еще никоим образом не участвовал в делах о реформе. Он был занят множеством иных своих привычных дел — храмом Христа Спасителя, хлопотами о переводе Библии, борьбой за обращение раскольников и многим, очень многим другим. Не забывал он время от времени выступать со своими проникновенными проповедями, учил пастыря прежде всего думать о божественном и небесном, а уж потом о земном, временном.

1858-й стал годом освобождения от лесов.

На Москве засиял во всем своем внешнем величии храм Христа Спасителя, окончился первый важнейший этап его строительства. Предстояла внутренняя отделка, и до дня освящения собора оставалось еще много лет, но величественный храм отныне уже стал неотъемлемой частью общего вида Москвы, на него можно было свободно взирать отовсюду, и отовсюду он поражал своей державной красотой.

А в Петербурге “сняли леса” с решения о переводе Библии. 20 марта Святейший Синод окончательно определил издать русскую Библию. Радости по поводу этого события не найти в письмах и высказываниях Филарета, и причиной тому, думается, то, что он не верил в окончательность, опасаясь, что кто-то вновь решительно выскажется против, и Синод пересмотрит решение. Сколько уж раз такое бывало! Но, тем не менее, работа по переводу Священного Писания получила ход, и теперь нужно было “не спеша поспешая” эту работу сделать.

Если в Москве главный храм еще предстояло достраивать изнутри, то в северной столице Исаакиевский собор был готов к освящению. После митрополита Никанора, скончавшегося в 1856 году, в Петербурге архиереем стал любимый ученик Филарета во время учебы в Духовной академии Григорий (Постников). Он и по сию пору глубоко почитал своего учителя, во всем с ним советовался и горячо поддерживал стремление к переводу Библии на русский и другие языки империи. Будучи архиепископом Казанским и Свияжским, являлся деятельным миссионером, лично переводил Священное Писание на татарский язык. Между Московским и Петербургским митрополитами велась постоянная переписка. В частности, большую известность имеет письмо от 30 июля 1857 года, в котором, отвечая на вопрос Григория, Филарет пишет, что поименное поминание всех членов царской семьи на литургии вполне можно было бы и сократить: “При благословении Божиим, императорская фамилия возросла до 23 лиц. Сей ряд имен в царский день, при служении архиерея, на одной литургии с молебном (кроме вечерни и утрени или всенощной) возглашается 12 раз и еще 2 раза воспоминается в молитвах тайно. Уже прежде нынешнего времени некоторыми особами самой высочайшей фамилии замечаяемо было, что частое повторение одних и тех же имен без существенной нужды длит богослужение и не благоприятствует вниманию молитвы. Настоит нужда помыслить о некотором сокращении, и для сего требуется не нововведение в богослужении, а возвращение к более простому порядку древних богослужебных книг”.

В связи с этим нельзя не упомянуть анекдот про то, как император, по всей видимости, это был еще Александр Благословенный, спросил Филарета: — Нельзя ли сократить утомительно длинное богослужение? — Можно, — ответил святитель. — Можно сократить на пятнадцать минут, если уменьшить поминовение всей императорской фамилии.

Смертельно заболел старший лучший друг Филарета — князь Сергей Михайлович Голицын, два месяца перед кончиной он сильно страдал от опухолей. Владыка навещал его часто, сидел рядом, беседовал, и этими беседами умел отвлечь страдальца от нестерпимых болей. 13 февраля 1859 года Сергея Михайловича похоронили. Душа его родилась в мир невидимый. Святитель Филарет проводил друга в последний путь и чувствовал себя сам так плохо, что не поехал в Петербург, где отмечался пятидесятилетний юбилей Духовной академии. Да и не любил он юбилей!

Не ездить ему теперь в гости к любезному другу Сергею Михайловичу, не сиживать на чашкой чая у окон, из которых открывается вид на храм Христа Спасителя... Сколько лет уж все строится и строится это величественное сооружение, а не видно в обозримом будущем дня, когда можно будет совершить освящение собора. Он уж и не мечтал дожить до той радости. С внешней стороны храм был уже полностью готов. Со всех концов Первопрестольной издалека сияли его купола, отражались в плавном течении Москвы-реки, а внутри до сих пор не приступили как следует к отделке интерьера. Вроде бы уж и решили отказаться от отделки в стиле классицизма, вняли голосу деятелей Церкви, включая и Филарета, предпочли византийский стиль, но до сих пор не утвердили окончательно проект росписей. Филарет многие годы потратил на борьбу с первоначальным замыслом, по которому нижнюю часть интерьера предлагалось облицевать мрамором, а верхнюю расписать изображениями святых и сценами библейских событий. Это опять-таки была дань классицизму. Московский митрополит решительно противился этому.

Еще в 1855 году он писал генерал-губернатору Закревскому: “Зритель, только поднимая голову, может видеть настенные изображения, но в таком положении он долго быть не может. Стоя же в обыкновенном положении, он будет иметь перед глазами только мрамор. Православный, обыкновенно взирая на икону, полагает на себя крестное знамение и молится, но если вместо икон перед глазами его будет только мрамор, то он будет в необычном и неприятном положении. Кроме настенных священных изображений, кроме царских, северных и южных дверей, видны места только для двух икон Спасителя и Божьей Матери близ царских врат. Не видно даже места для храмовой иконы Рождества Христова. Такая скудость икон неудовлетворительна для столь огромного храма. Не только приличным, но и нужным признано быть может, чтобы в мраморе, особенно на восточной стороне по местам, устроены были рамы и в них поставлены были иконы на такой высоте, чтобы удобно доступны были взору предстоящих...”

Мысль о том, чтобы в будущем главном храме Москвы поставить не обычный иконостас, а Кувуклию, родилась у Филарета, еще когда только-только отгремела гроза 1812 года, только-только заговорили о создании такого храма. Кувуклия — часовня Гроба Господня в Иерусалимском храме Воскресения, в ней находится смертное ложе Спасителя и придел Ангела. Идея создания иконостаса в виде часовни сблизила Москву с Иерусалимом. И Филарет еще в 1813 году высказал ее обер-прокурору Голицыну. Тогда же он написал родителям в Коломну о том, что открыл Александру Николаевичу “свои мысли о несовершенстве иконостасов по новейшему образу строения, которые, будучи малы и скудны, противоречат мысли величия, которую должен бы подавать алтарь. Но как здесь не вижу я ни одного иконостаса, в котором бы с огромностию была соединена правильность и красота, соответствующие вкусу нынешнего времени, и который мог бы объяснить и оправдать мою мысль, то желал бы иметь рисунок иконостаса Коломенского собора”. Он имел в виду храм Вознесения Господня в Коломне.

С конца XVIII века вошло в моду рассматривать иконостас как архитектурное сооружение, и икона, главное, ради чего ставится иконостас, стала из

него вытесняться в угоду архитектурным деталям. Филарет решительно боролся с этим, по его указу был уничтожен один из иконостасов Баженова, в котором иконе вообще почти не оставалось места. Вот что он имел в виду, говоря о “несовершенстве иконостасов по новейшему образу строения”. Филаретовский замысел создания иконостаса-часовни, Кувуклии, нашел множество сторонников, и когда началось устройство интерьера в храме Христа Спасителя, иные проекты, кажется, и не рассматривались. Так в главном московском соборе появилось сие уникальное сооружение, по высоте превосходящее на три с половиной метра Успенский собор Кремля. Воистину — храм в храме! И это придумал он — Филарет.

Он же выполнил работу по выбору сюжетов для росписей центральной части собора, с которой должна была начаться отделка всего интерьера.

Автор фундаментальной книги “Храм Христа Спасителя в Москве” Евгения Ивановна Кириченко называет Филарета одним из “идейных творцов программы храма Христа Спасителя”. Говоря по-русски, Московский Златоуст — крестный отец этого величественного памятника, воспитатель его проектировщиков и строителей, архитекторов и художников. Каков этот храм, таков и внутренний храм души Филарета. Владыка Филарет из глубин своей души вдохнул душу и в облик и в интерьер храма.

К зиме 1859 года болезни усилились. Вероятно, святитель мог не дожить до своего очередного дня рождения, но миновал кризис, болезнь отступила, а весной, как он сам выразился, “инстинктуальное желание” подсказало ему есть кислые капустные щи; Рахманов разрешил, но без употребления самой капусты, и случилось чудо: “Щи из кислой капусты оказались для меня действительным лекарством”. Вернулись вкусовые ощущения, полностью утраченные во время болезни, вернулись силы.

Болезни не позволяли ему только покидать жилье, но работал он по-прежнему много, переписку вел обширнейшую, ежедневно по несколько длиннейших писем, с подробными ответами на все вопросы, считал нужным высказать свое мнение о политических и церковных событиях, продолжал следить за тем, как переводится Священное Писание.

В свои семьдесят семь он сохранял ясность ума чрезвычайную, и, хотя уже редко, но сочинял и произносил свои прекрасные проповеди. Смирался с достижениями прогресса. Смирался с железными дорогами, хотя и называл их “изобретением нетерпеливости человеческой”. Дозволил вести железнодорожную ветку к Троице-Сергиевой обители. Смирался и с фотографиями, принимал фотографические изображения икон, храмов и каких-либо святых, и незадолго до кончины даже, наконец, разрешил его самого сфотографировать в полном архиерейском облачении. И этот снимок дивной красоты дошел до нас.

1860 год принес большую радость — вышел в свет русский перевод Четвероевангелия. Под ведением Филарета продолжались переводы остальных книг Библии. Борьба была не напрасной, и в итоге победителями вышли обе противоборствующие стороны. Переводы выходили с параллельными текстами на старославянском языке. Так и надо было сделать. Это наилучшее решение. Старославянский текст непередаваемо поэтичен, но наполовину непонятен тому, кто не изучал древний язык русичей. Перевод понятен, но, как ни старайся, в нем все-таки что-то теряется неувловимое, трепетное, глубинное...

Конец пятидесятых годов XIX века — время подготовки в России отмены крепостного права, и в этой подготовке были задействованы все лучшие умы государства. Включая митрополита Филарета Московского. Он — один из тех, с кем важно посоветоваться, и к нему обращаются за советом при каждом новом изменении проекта реформы.

Учрежденный 3 января 1857 года десятый по счету Секретный комитет по крестьянскому делу через полгода представил первый официальный проект реформы. 20 ноября 1857 года император издал и разослал всем губернаторам рескрипт, в котором изложил правительственную программу. Предусматривалось уничтожение личной зависимости крестьян при сохранении

всей земли в собственности помещиков, предоставление крестьянам определенного количества земли, за которую они обязаны будут платить оброк или отбывать барщину, и со временем — права выкупа крестьянских усадеб, состоящих из жилого дома и хозяйственных построек. Юридическая зависимость уничтожалась не сразу, а только по истечении переходного двенадцатилетнего периода.

В 1858 году для подготовки крестьянских реформ были образованы губернские комитеты, в них развернулась борьба за меры и формы уступок между либеральными и реакционными помещиками. Вместо Секретного комитета создан был Главный комитет по крестьянскому делу. Он выработал новую программу, утвержденную императором 21 апреля 1858 года и предусматривавшую не упразднение крепостной зависимости, а лишь ее смягчение. Но 4 декабря 1858 года была принята другая программа крестьянской реформы, выработанная генерал-адъютантом Яковом Ивановичем Ростовцевым и предполагавшая получение крестьянами личной свободы, обеспечение крестьян наделами земли в постоянное пользование с правом выкупа по предоставленным правительством кредитам, утверждение переходного “срочно-обязанного” состояния.

После смерти Ростовцева в 1860 году бразды правления при подготовке реформы взял в свои руки граф Виктор Никитич Панин. Образованнейший человек своего времени, он слыл консерватором и крепостником, и действительно, возглавив Редакционные комиссии по проведению реформы, добился уменьшения наделов и увеличения повинностей будущих освобожденных крестьян.

В октябре 1860 года готовый проект реформы рассматривался в Главном комитете по крестьянскому делу. Один из его списков попал на стол митрополиту Филарету. Ознакомившись с ним, он высказал свои замечания. В частности, в письме преподобному Антонию от 4 декабря 1860 года он писал, что ему не нравится мысль о том, чтобы прежде объявления правил об освобождении крестьян с ними были ознакомлены священники “для приготовления прихожан к пониманию оных”, он жалуется на многосложность представленного проекта, опасается, что большинство священников не поймут многого и станут худо растолковывать прихожанам суть реформы. “Например, в правилах положено дать крестьянам *самоуправление*. Поймет ли сие с точностью священник? И если, хотя неточно, поймет, поймет ли сие крестьянин?” Кроме того, он опасался, что “священник, став посредником между начальством и крестьянами, подвергнется опасности с обеих сторон”. Опасения его были не напрасны. Деятели реформы хотели несколько оградить себя от возможных недоумений, и в случае, если бы возникли в крестьянской среде волнения, можно было бы свалить часть вины на попов — мол, плохо растолковали суть реформы своим прихожанам!

Окончательная разработка манифеста об отмене крепостного права была возложена на Самарина и Милютину. Юрий Федорович Самарин, один из талантливейших представителей славянофильства, ученик Хомякова, доказывавший, что в православии сливаются отсутствующее в католицизме единство свободы и отсутствующее в протестантизме единство общности, при этом высоко ценил достижения западной цивилизации и мог найти золотую середину, в частности, и в крестьянском вопросе. Его сверстник Николай Алексеевич Милютин являлся также и его единомышленником. Так что выбор этих двух деятелей реформы в качестве создателей манифеста был сделан царем правильно.

Новый 1861 год владыка Филарет снова встречал на одре болезни. “Простуженная рука мешает писать, тогда как это всего нужнее”. А на него тем временем свалилась работа высочайшей государственной важности — прислали написанный Самариним и Милютиним манифест с требованием отредактировать его по своему усмотрению. Император оказывал владыке полное доверие и намеревался опубликовать сей документ только после его редакции. Панин сопроводил текст манифеста собственным письмом, в коем с благоговением обращался к святителю Филарету: “Государь полагается совершенно на высокий дар красноречия вашего высокопреосвященства и на ревностное

усердие ваше к делу, столь важному для Отечества, столь близкому к сердцу первого пастыря нашей Церкви. Руководимый сими чувствами и сим доверием, государь представляет вашему высокопреосвященству сделать все те изменения или прибавления, кои бы вы признали соответствующими чувствам его величества и собственно вашим, для лучшего успеха в достижении положенной цели”.

Весь конец января в Троицком подворье Московский Златоуст работал над окончательным вариантом манифеста. Перечитывал, обдумывал. Разделил на три части и в течение трех суток полностью все переписал. Наконец, закончил и 5 февраля отправил манифест государю в Петербург, приписав, что “в исполнение поручения его ввело верноподданническое повиновение, а не сознание удовлетворить требованию”. Грядущая реформа пугала его. Не случайно среди прочих исправлений им были вычеркнуты слова “в сей радостный для нас и для всех верноподданных наших день”. Он говорил, что ожидаемому новшеству “радуются люди теоретического прогресса, но многие благонамеренные люди ожидают оного с недоумением, предусматривая затруднения”. А за три дня до подписания манифеста Филарет с волнением произнес:

— Господи, спаси царя и пощади всех нас.

Антонию он написал: “Теперь из Петербурга пишут об опасениях и, между прочим, что первый удар падет на высшее духовенство, монастыри, церкви”.

19 февраля 1861 года в Петербурге император Александр II подписал отредактированный Филаретом манифест “О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей” и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшее из семнадцати законодательных актов.

Наступило 5 марта 1861 года, Прощеное воскресенье. После совершения литургии в Успенском соборе Кремля манифест был объявлен народу. В тот же день — в других городах Российской империи.

Реформа 1861 года, как известно, вызвала ряд крестьянских выступлений по всей России. Хочется верить в то, что участие лучших умов государства, включая митрополита Филарета, в выработке документов реформы содействовало более мягкому прохождению вводимых государством изменений.

21 мая 1861 года митрополиту Филарету всемилостивейше пожалована золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому делу. На аверсе этой награды изображен профиль Александра II, над ним надпись “Благодарю”, под ним число “19 февраля 1861 года”, на реверсе надпись “За труды по освобождению крестьян”. Носилась она на Александровской ленте, золотых медалей было отчеканено две с половиной сотни, серебряных — полторы тысячи, но награжденных было меньше, чем медалей. А 6 июня император пожаловал владыке наперсный крест, украшенный драгоценными камнями, тем самым еще более подчеркнув заслуги Московского митрополита в подготовке крестьянских преобразований.

Близился закат его жизни. Он уже редко сам читал свои проповеди, чаще посылал кого-либо, кто прочитал бы написанное им. Самое время уйти бы на покой, поселиться в Гефсиманском скиту и в уединении и покое ждать непостыдной и мирной кончины живота своего. Но он оставался при своих делах, много читал, видел, как все хуже и хуже печатаемое в России: “Если хотя за один год взять все худое из светских журналов и соединить, то будет такой смрад, против которого трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный. Надобно по частям взять нездоровое и предлагать врачевство. Говорю о сем собратиям, но язык нововводителей скорее движется, нежели язык охранителей”.

Реакционностью Филарета и таких, как он, еще держалось здание миропорядка, человеколюбия, целомудренности, чести и величия России. Он уповал на цензуру, что она еще какое-то время будет сдерживать поток безумства, бесчиния и беспорядка, который с каждым годом становился все сильнее. “В Отечестве нашем, — писал митрополит Филарет обер-прокуро-

ру Толстому, — существует цензура, — учреждение, в котором есть доброта, какой нет в неограниченной свободе книгопечатания. При отсутствии цензуры вредная книга издается и производит вред в обществе; потом ее сочинитель и издатель страдают от суда. При разумной и благонамеренной цензуре вредная книга не допускается до издания и, следовательно, не допускается до общества вред, а сочинитель безопасен от суда и наказания”.

Цензура была введена в России с распространением книгопечатания еще в 1720 году Петром I. В XIX веке существовало входившее в Министерство народного просвещения Главное управление цензуры. Александр II, продолжая свои реформы, упразднил его, передав функции цензуры в Министерство внутренних дел.

Новшество при Александре II было много. Какие-то огорчали Филарета, другие — радовали. Не могла не тревожить идея передачи сельских школ из ведомства духовной власти в ведомство власти светской, проводимая новым министром просвещения Александром Васильевичем Головинным, сыном знаменитого флотоводца. А вот сокращение церковной службы за счет перечисления всего царствующего дома он одобрил. Это, собственно говоря, была и его идея, ее он высказывал предыдущим государям. “В древних изданиях греческих в великой ектении сказано только: о *благочестивейших и богохранимых царех наших*. Не предписано даже имя царя приносить. А о царском семействе и намека нет”.

Внимательнейшим образом до конца жизни святитель Филарет следил за всеми историческими событиями, современником коих ему довелось быть. В январе 1863 года снова вспыхнуло восстание в Польше. Филарет в Москве жадно изучал все поступавшие новости: “Горьки, если верны, польские вести”. Поводов к возмущению не было. Начало очередного рекрутского набора и массовое уклонение от него поляков стало не поводом, а сигналом к восстанию, которое подготавливалось уже давно, и на протяжении нескольких лет русские получали письма с угрозами, срывались вывески на русском языке, чудовищно осквернялись православные кладбища, а главное, тайно готовилась программа вооруженных действий. Причина оставалась все та же — нежелание большинства поляков жить в составе Российской империи при нежелании русского правительства дать независимость стране, где продолжали мечтать о возврате русских земель, некогда принадлежавших Речи Посполитой.

Встал вопрос о поддержке политики России в Польше со стороны духовенства. Неожиданно Филарет выступил против подобных официальных заявлений, ссылаясь на то, что даже в тех странах, где Церковь более сблизена с государством, и то не делается ничего подобного. “Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не ступая с поприща духовного, — писал Филарет Антонию в самый разгар польского восстания. — Но, вступивши на сей путь однажды, окажется некоторая необходимость продолжать идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или 1807 годов Св. Синод, думая сильно поддержать правительство, назвал Наполеона антихристом; а потом с антихристом заключили мир. Адрес Св. Синода был бы выступ из ряда, потому что и Государственный Совет и Сенат не пишут адресов”. Однако в личной переписке Филарет полностью поддержал императора в польском вопросе. А 8 августа 1863 года, встречая Александра II у входа в Успенский собор Кремля, Филарет обратился к нему с речью, которую любой либерал и сторонник Польши имеет полное право назвать самодержавно-реакционной, а то и милитаристской:

— Благочестивейший государь! Мир твоего народа нарушен нестроениями, происходящими на одном из пределов твоего великого царства, в малом народе, который уже не однажды был осужден за его нестроения, который существует в качестве царства только по милости твоих предшественников, и который за твои умноженные к нему милости воздает неблагодарностью, мятежом, крамолами. И, что всего неожиданнее, из некоторых стран, даже несопредельных нам, слышится голос, будто для их спокойствия это гнездо беспокойств надобно укрепить и расширить. Оскорблена твоя правда и бла-

гость! Оскорблено достоинство России! Любовь к Отечеству, верность престолу могут ли при сем быть равнодушны? И потому дух сынов России воздвигается и отовсюду взывает к тебе, представляя готовность всего народа на защиту правды. Дух сынов веры воздвигается и взывает к Богу православной России, к Богу правды, да изведет, яко свет, правду твою и России, и судьбу твою с нею...

Польское восстание продолжалось более года, к маю 1864 года оно было подавлено. Вопреки ожиданиям руководителей мятежа, ни одно европейское государство не поддержало их. В итоге Польша лишилась главных атрибутов автономии, строгости были наведены такие, каких не было и при Николае I. Началась русификация, в людных местах запрещалось говорить по-польски, шляхта не имела права устраивать сборища даже по поводу семейных праздников. Тысячи причастных к восстанию поляков были сосланы в Сибирь, где появились целые польские поселения.

Зато польское крестьянство, которое в своей основной массе не поддержало мятежников, получило гораздо больше прав в соответствии с продолжавшейся реформой, нежели крестьянство на всей остальной территории Российской империи.

Известия о польских событиях Филарет получал, можно сказать, из первых рук — от своего старого друга Андрея Николаевича Муравьева, ведь тот был родным братом генерала Михаила Николаевича Муравьева-Виленского, непосредственно руководившего подавлением мятежа в Польше. Европейская печать прозвала его людоедом. Удивительно, но к мнению европейцев присоединился внук великого Суворова тогдашний петербургский военный генерал-губернатор, светлейший князь! Он не только назвал Муравьева-Виленского людоедом, но и приказал не устраивать никаких почестей Михаилу Николаевичу при его приезде в Петербург. Даже около дома “душителя польских свобод” были выставлены полицейские, чтобы те не пускали кого-либо с подарками и приветствиями.

Тем не менее, как отметил в одном из своих писем Филарет, “Михаил Николаевич приехал в Петербург больной, и гвардейскими офицерами, с восклицаниями “Ура!” вынесен из вагона на стуле, вопреки запрещению петербургского генерал-губернатора, который также запретил купцам поднести хлеб-соль и к дому Михаила Николаевича послал городских служителей, чтобы не собрался народ встретить его. Не скажете ли: невероятно?”

Таким же жгучим реакционером, как возмущенный сим фактом Филарет, оставался и Федор Иванович Тютчев, написавший внуку Суворова стихотворный памфлет, начинающийся словами:

*Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского чествуем мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спрасы!..*

Осенью 1867 года святитель вернулся из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры в Москву, причем впервые не ругал железную дорогу, а весьма хвалил, восторгался спокойствием движения поезда и признал правильным, что “не решился на путешествие по земляной дороге”: “Я не мог бы так долго переносить тягостного ощущения, в котором начал путь, и не имел бы средств облегчить оное. Напротив того, в подвижном доме железной дороги я отложил теплую одежду, встал и в сем положении оставался почти во всю дорогу, постепенно чувствуя облегчение”.

Наступили последние годы, солнце земной жизни святителя Филарета уже коснулось горизонта. Чувствуя близкий уход, Московский Златоуст вновь обратился к поэзии и совершил стихотворный перевод “Увещательной песни” святителя Григория Богослова:

*Близок последний труд жизни, плаванье злое кончаю.
И уже вижу вдали казни горького зла:*

*Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженне, помилуй, и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшился
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, переселяясь отсюда.
Жертвой себя предал скорбям, снедающим дух.
Вам же, грядущие, вам заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.*

17 сентября архимандрит Антоний явился с ежедневным докладом о состоянии обители, Филарет внимательно выслушал его, а затем сказал:

— Я ныне видел сон, и мне сказано было: “Береги девятнадцатое число”.

Антоний ответил:

— Владыко святей! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Как же можно притом обращать внимание на такое неопределенное указание? Девятнадцатых чисел в каждом году бывает двадцать.

Помолчав, Филарет возразил:

— Не сон я видел. Мне являлся родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Святых Таин.

— Это желание доброе, — ответил Антоний.

Через два дня было девятнадцатое сентября, и святитель Филарет причастился, как перед кончиной. Но настушил новый прилив сил, и он отправился в Москву. “Путешествие мое совершилось безбедно, хотя и небеструдно. Две версты или около я ехал по железной дороге сидя; потом почувствовал необходимость встать и достиг до Москвы по железной дороге пешком, то есть, ходя и стоя в вагоне. Усталость была велика, но, казалось, безвредна. В понедельник был я в Кремле и посетил князя генерал-губернатора, который встретил меня на железной дороге в субботу”.

5 октября Филарет написал Антонию: “Да сохранится безмолвие Гэфсиманского скита, и да не будет от меня причины к нарушению одного. Преподобный отец наш Сергий да призрит милостиво и да благословит мой последний покой в обители его, под кровом молитв его и других по нем здесь богоугодно подвизавшихся. Прошу о сем и завещаю сие”. Это значило, что он полностью согласился с предложением Антония относительно будущего погребения.

19 октября святитель вновь причащался, уже в своей домово́й церкви. Чувствовал он себя лучше, чем во все последнее время, вновь бросился в бездонную пучину дел. Жить на земле ему оставалось один месяц, и в этот месяц не переставал допекать ему юродивый Филиппушка, с которым в течение многих и многих лет у святителя складывались, мягко говоря, весьма не простые отношения.

Филипп Андреевич Хореев был на двадцать лет моложе святителя Филарета, изначально путь его был мирской, обычный крестьянин, он обзавелся семьей, но после рождения четвертого ребенка жена его скончалась, и, по мнению односельчан, он несколько повредился в уме, стал замкнутым, все чаще и чаще ходил в церковь, перестал заниматься домашними делами и хозяйством. Родители заставили его еще раз жениться, и у него даже родилась дочь во втором браке, но внезапно он сбежал из родного села и десять лет скитался по свету, превратившись в настоящего юродивого — зимой и летом босиком, с обнаженной головой, в веригах и с посохом в руках. Посох железный, тяжеленный, к нему прикреплен литой из меди голубок.

— Дух Святей птичку любит, вид ее приял, — ворковал Филиппушка. — У голубка головка не величка, да умна, носок востер, на добро шустер. А у нас голова величка, да дурочка, и нос туп адский нохает путь.

С посохом он ходил, с посохом спал, обнимая его, не давал никому даже прикоснуться, говоря о посохе:

— Это вес грехов моих! Что чужую тяготу греховную пытаться?!

Юродивого Филиппушку Голубя, как прозвали его в народе, нередко арестовывали как беспаспортного бродягу, держали в тюрьме, отправляли под конвоем по этапу, но он все терпел и как-то ухитрялся снова быть на свободе и бродить по свету.

Первое упоминание о нем у Филарета относится к 23 мая 1847 года: “Бог благословит раба своего Филиппа и да сотворит благое душе его”. Написано сие после того, как Филиппушка побывал у святителя и получил у него благословение пожить в Троице-Сергиевой лавре. Далее письма и записки Филарета так и пестрят постоянными упоминаниями о юродивом. Очевидно, этот человек был для него одновременно и как бельмо в глазу, и весьма интересен. Как озорной, но необычный и всеми любимый в семье ребенок.

Достоин примечания то, что юродивые, не щадившие никого и запросто разоблачавшие самых высокопоставленных деятелей что государства, что Церкви, никогда ничего дурного не высказывали в адрес митрополита Филарета. Напротив, наделяли его самыми превосходными прозвищами. Так, известный на Москве юродивый Иван Яковлевич Корейша, живший в Преображенской больнице на двух квадратных аршинах, которые сам себе очертил мелом, обращаясь к Филарету, называл его: “Луч великого света!”

Юродивый Филиппушка святителя Филарета называл Белым ангелом, а тучного архимандрита Антония — Широким. Поселившись в лавре, Голубь стал заметной фигурой в обители преподобного Сергия. Народ его обожал. Почитатели украшали тяжелый посох лентами, и с такими украшениями на своей главной регалии юродивый являлся в храм, и все на него пялились, и это мешало богослужению. “Кажется, надобно посоветовать Филиппу удерживаться от таких поступков, которыми он как бы сам себя выставляет на зрелище, — строго писал в 1848 году митрополит наместнику лавры. — Надобно терпеть искушение, когда оно найдет, а не вводить самого себя в искушение и с тем вместе других, когда нам заповедано молиться: не введи нас во искушение. Посему и предложенное им путешествие в Новый Иерусалим я советовал бы отложить до усмотрения. Если же мое юродивое мудрование не понимает мудрости юродства, то прошу прощения”.

Последнее примечание весьма важно. Филарет понимает, что Бог неспроста посылает время от времени юродивых, подобных Филиппушке. Ведь таков был и Василий Блаженный, который не посохом, а своей полнейшей наготой тоже искушал молящихся в храмах и на улицах, и тем не менее, в появлении таких причудливых персонажей есть некий таинственный смысл. Юродивые необыкновенным образом оживляли жизнь христианскую, переворачивали с ног на голову устои брэнного мира, показывая зыбкость всего, что есть на земле. А это было по сердцу Филарету, всю жизнь проповедовавшему нашу странность в этом мире.

Чего стоило, к примеру, излюбленное развлечение Филиппушки, когда он мог подойти к торговцу калачами, взять у него лоток и начать раздавать всем желающим, особенно нищим, голодным! И торговцы не смели препятствовать этому. А к тому же, Филиппушка тотчас мог подыскать в толпе богатого зеваку и приказать тому:

— Заплати-ка, милейший, за калачи!

И богач, краснея от неудовольствия, тем не менее, со смехом оплачивал торговцу ущерб. Торговцы зывали юродивого в свои магазины, и если Филиппушка выбирал себе что-нибудь, топа, видевшая это, тотчас расхатывала сей товар. Словом, Филиппушка в конце сороковых еще годов стал всенародным любимцем. Случалось, что он чем-то допекал полицию, и его вновь арестовывали, но вскоре выпускали под давлением разгневанных масс. “Филиппа Бог благословит совершить путешествие, — писал по этому поводу Филарет Антонию. — Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взят под арест; а если ему это нравится, сказал бы нам, и мы арестовали бы его с любовью, а не с гневом, как полиция”.

Живя в лавре, Филиппушка продолжал время от времени совершать путешествия, окруженный народом, задерживаемый полицией, которую особенно любил дразнить. “Филиппа определить указом будет ли надежно? —

задумывался Филарет в 1850 году, имея в виду, не запретить ли юродивому путешествия из лавры и не определить ли его в качестве послушника. — Перестанет ли он желать странствия? После путешествия в Москву, слышу, он еще ходил куда-то в иную сторону. В теперешнем положении если и возьмут его с его медною или железною птичкою, и посадят в клетку, он сим доволен, и нам беды нет. Если можем, извлечем из клетки; а за то не отвечаем, не имея его своим официально. А за определенного послушника должны будем отвечать...”

Однако и этому артисту надоела слава. Филиппушка стал искать уединения. Архимандрит Антоний поселил его не где-нибудь, а в Гефсиманском скиту, что было бы невозможно без разрешения Филарета и свидетельствует о том, что внешне высказывая строгости в адрес юродивого, святитель любил его.

Филиппушка поселился не в самом скиту, а рядом — в ветхой сторожке, затерянной в густой чаще за прудом. В сентябре 1850 года он сильно заболел, был при смерти. Антоний, посетив его, предложил Голубю принять монашеский постриг, и тот согласился:

— И если можно, то под именем Филарета. Хочу быть как наш Белый ангел!

Так совершился постриг, и юродивый Филиппушка Голубь превратился в монаха Филарета.

Он вскоре поправился и явился к архимандриту:

— Широкий, благослови меня выкопать погреб.

Тот разрешил, и вскоре монах Филарет вместе с другими монахами стал копать пещеры под Гефсиманским скитом. Антоний обратился к святителю Филарету с вопросом, не запретит ли, но Белый ангел разрешил пещеры, и так, благодаря стараниям его новоявленного тезки в лавре завелась еще и пещерная жизнь. Вскоре здесь работали уже лаврекие землекопы, плотники, каменщики.

Однако натура брала свое. Его опять тянуло в народ. Здесь уж митрополиту приходилось проявлять строгость: “Скажите брату Филарету, что пока он был странствующим Филиппом, он отвечал за себя, а теперь мы за него отвечать должны. Тогда управляло им желание; положим, что оно было по духовному человеку, но теперь необходимо должно управлять им послушание. Он в сем дал священный обет и обязался исполнить оный. Потому если и можно ему благословить путешествие в Москву, то не на продолжительное время и с тем, чтобы он не делал себя предметом любопытства и не обращал на себя внимание полиции, то есть не заставлял бы нас отвечать за него... Не очень в порядке то, что сделали гласным в Москве его пещерное монашество”.

Филипп-Филарет являлся на Троицкое подворье и требовал разрешения провести в Москве двадцать дней для того, чтобы снова быть, как прежде, среди толп народа и снова юродствовать. Митрополит увещевал его, говоря, что огненные монахи, а не просто юродивый. Тот даже готов был отречься от монашества, до того влекло его к прежнему образу жизни. Владыка не уставал бороться с его произволом, к тому же вышло постановление Синода никому из монастырей не отлучаться без особой разрешительной бумаги. Вновь и вновь внушал ему, “что он теперь уже не птица без гнезда, летающая куда хочет, как это было прежде”. И Филипп-Филарет оставлял свои помыслы, среди которых было и вовсе уйти куда-нибудь подальше и жить в неизвестности. А потом снова стремился к юродству, к нему в пещеры Гефсиманского скита являлись посетители, он перед ними “выступал”. Митрополит отчитывал за это уже архимандрита: “Вы говорите, что он многих принимал, и даже без письменных видов или с сомнительными. Но для чего сие было попущено ему? Где же послушание? Он не настоятель”. В 1852 году Филипп-Филарет отправился в Киев, причем откуда-то при нем оказалось много денег, что привело многих в смущение. Раздраженный митрополит даже склонялся к тому, чтобы не принимать его обратно в монастырь. Но смиловился и принял. Все-таки он благоволил к нему, несмотря ни на что. Филипп-Филарет терпеть не мог обуви, а вся братия Свято-Троицкой лавры

обязана была ходить в сапогах. Владыка разрешил ему вместо сапог просторные ботинки.

Выросли дети юродивого монаха, двое сыновей Игнатий и Василий в конце 1851 года явились к отцу и поселились в Гефсиманском скиту в качестве послушников, через год из Оптиной пустыни пришел и старший сын Порфирий, дети сами себе ископали пещеры. Митрополит сомневался, хорошо ли это: “Но и здесь мне хочется спросить: у места ли дети? По ним ли одинаковый с отцом путь?” Однако при детях Филипп-Филарет неожиданно остепенился и уже не стремился к странствиям и юродству. С этого времени он меньше стал доставлять беспокойства владыке.

Впрочем, народ продолжал в большом количестве ходить к своему любимцу, скитская братия восстала против нарушаемого спокойствия, и тогда наместник велел монаху Филарету с сыновьями оставить пещеры и поселил его в двух с половиной верстах от Гефсимании возле пруда. Антоний распорядился поставить для Филарета с сыновьями келью. На чердаке кельи они совершали свое обычное правило и церковные службы.

В сентябре 1855 года во время посещения лавры государь Александр Николаевич пожелал увидеть монаха Филарета, которого уже называли старцем. Увидев его в монашеском облачении, царь спросил:

— Да ты монах теперь?

Тот ответил, как и полагается старцу и юродивому:

— Не знаю, монах ли, а хотел бы монахом побыть хоть один час.

Одна из богатых почитательниц московская купчиха Логинова пожертвовала деньги на храм, и 27 сентября 1859 года митрополит Филарет совершил освящение верхней церкви в честь Боголюбской иконы Божией Матери. При церкви построили братские кельи, и образовалась новая обитель, известная впоследствии под именем Боголюбивая Киновия. Тогда-то все три сына старца и приняли монашество. Порфирий с именем Прокопий, Игнатий — Галактион, а Василий — Лазарь.

В последний год жизни святителя Филарета на схимонаха Филиппа поступил донос, что в его келье печатаются фальшивые кредитные билеты. Произвели обыск, донос не подтвердился, но слух пошел по всей Руси. “Дело схимонаха Филиппа, — писал Филарет Антонию, — после открывшихся неприятностей угрожает другими. Жаль, что слишком много ему попускаемо было, по избытку снисхождения”. Имелось в виду то, что посетители приносили Филиппу деньги, коих у него всегда было в избытке, и он передавал их нуждающимся. Вот от какого огонька пошел смрадный дым клеветы о фальшивых кредитных билетах. Снова стали требовать выселения его из лавры, и схимонах получил благословение владыки отправиться с сыновьями странствовать по российским монастырям.

И вот теперь, всего за десять дней до кончины святителя, Филипп явился к нему с запиской, в которой значились имена людей, коим нужно платить долги. Сумма огромная — более двух тысяч рублей. Эти деньги юродивый брал взаймы и передавал нуждающимся людям. Теперь же нужно было долги возвращать, и Филипп решил, что это должен сделать митрополит. Филарет велел сказать ему, что коли он сам делал долги, то пусть сам и расплачивается, но на другой день займодавцы стали являться на Троицкое подворье, мол, Филипп сказал, что долги можно получить здесь.

“Филипп начинает насыпать на нас своих займодавцев. Один уже подал прошение в палату, что из сего произойдет затруднение и неприятность”, — с тревогой и возмущением писал Филарет 10 ноября в лавру.

Предметом особой гордости владыки было то, что, став архиереем, он обрел возможность не прикасаться собственными руками к деньгам, и если надо, всегда мог дать приказ своим келейникам выдать такому-то столько и столько. Но при этом он не настолько пренебрегал деньгами, чтобы не вести им счет, и всегда внимательно следил, как бы его не облапошили. А тут такая неслыханная наглость со стороны Филиппа! Я, мол, сделал долги, а ты оплати! Но не мог он и не понимать, что тут кроется некий особый смысл, просто так юродивый ничего не делает. Говоря всем: “Ступайте к владыке Филарету, он теперь со всеми долгами рассчитывается”, юродивый схимонах

намекал на некий расчет по высшему разряду. В свои последние дни человек отдает последние долги миру...

Случайно ли, что в закатных лучах Филаретовой жизни мелькает беспокойная и взбалмошная тень юродивого? Случайно ли, что даже самые последние строки, написанные Филаретом, посвящены Филиппу? “Обратите внимание, чтобы твердо и осторожно составлена была резолюция по прошению заимодавца Филиппова. Могут встретиться затруднения по сему делу; и за сим могут прийти подобные”. Случайного ничего не бывает.

А тем временем уже приближалось очередное девятнадцатое число, выпадавшее на воскресенье. Один из почитателей, пришедших навестить владыку в эту последнюю неделю, передал ему просьбу одной дамы разрешить ей явиться к нему под благословение.

— Пусть придет, — сказал Филарет, — только прежде девятнадцатого числа.

Наступила суббота 18 ноября. В тот день владыка сказал своему келейному иеродиакону Парфению:

— Завтра я буду служить литургию в своей домово́й церкви, приготовь все к служению.

Старый келейник решил возразить:

— В таком случае, владыко, вы утомитесь и не сможете, пожалуй, служить во вторник, а ведь будет праздник, Введение Богородицы.

— Это не твое дело, — сердито ответил Филарет. — А иди и скажи всем, что я завтра служу...

Опасения келейника были не напрасны. Филарет уже давно, более двух месяцев по немощи не служил литургию. Но утром 19 ноября все тревоги развеялись. Владыка явился в домовый храм бодрый, словно в него вдохнули свежие силы. Еще недавно у него не было голоса, а тут откуда-то вернулся голос, причем довольно громогласный! Все смотрели на него и с удивлением видели в нем человека, для которого все только начинается в жизни! Литургия прошла радостно и легко, словно птичий полет в поднебесье. По совершении таинства пресуществления святитель в последний раз приобщился Святых Таин. И это была его самая последняя служба Господу на земле. На ней присутствовал московский гражданский губернатор генерал-майор Александр Иванович Баранов — последний из высокопоставленных чиновников, кто видел живым Московского Златоуста. Выпив две чашки чая с миндальным молоком, владыка побеседовал с Александром Ивановичем, тот откланялся, получил архиерейское благословение и удалился, а Филарет отправился в свой кабинет и стал разбирать бумаги. Как ни в чем не бывало.

Повар сообщил келейнику Парфению, что обед готов, тот сообщил Филарету. Владыка сказал, что еще немного, и он придет. Но так и не пришел. Иеродиакон Парфений снова отправился звать его. Он увидел митрополита стоящим на коленях в узком проходном помещении без окон рядом со спальней. Но это уже было тело, разлученное с душой...

19 ноября 1867 года Московский Златоуст святитель митрополит Филарет, совершив Божественную литургию и приобщившись Святых Таин, в половине второго часа пополудни ушел в жизнь вечную — родился в мир невидимый. Он преставился так, как подобает христианским праведникам, и принял кончину, о которой каждый православный человек молится ежедневно — безболезненную, непостыдную и мирную. Из путешествия по миру, длившегося почти восемьдесят пять лет, душа его отправилась в свое Отечество, завещанное Богом.

Узнав о кончине святителя, в Кремле ударили в большой колокол колокольни Ивана Великого. Следом за первым ударом печально прозвучали еще одиннадцать. Услышав этот звон, раздавшийся в неподобающее время, москвичи спрашивали друг друга, что случилось, какая беда, какое событие. Тревожились. Затем стала распространяться и печальная весть о смерти их любимого архиерея. К Троицкому подворью потекли толпы народа, желающего отдать ему последний поклон.

В первые же годы после кончины владыки в народе стал складываться целый эпос о его привычках, характере и о его чудесах. Сколько в том эпосе правды, а сколько выдумки, только Бог ведает.

Любили вспоминать о том, как владыка всюду забывал свои очки, и потом их искали по всем местам, где ему случилось побывать накануне — у Сергея Михайловича Голицына, у купчихи Тимофеевой или в каком-нибудь московском храме, обследовали в очередной раз все Троицкое подворье, заодно и наводя в нем порядок, а очки оказывались где-нибудь на сиденье в карете или в ином самом неожиданном месте.

С благоговейным ужасом вспоминали случай с одним московским озорным барином, который в угоду своим прогрессивным идеям решил однажды пошеяться над прозорливостью Филарета и явился к нему на подворье с лживой просьбой — мол, стгорело имение, нужны деньги, не знаю, где взять... Владыка велел подать просителю триста рублей, и тот удалился, предвкушая, как завтра пропечатает в газете, что никакой Филарет не прозорливец. Каково же было его потрясение, когда он узнал, что в ту самую минуту, когда он получал у святителя деньги, его имение и впрямь загорелось и выгорело дотла! Пошатнулись либеральные идеи, и векоре перепуганный шалун вновь явился на Троицкое подворье:

— Высокопросвященнейший владыко! — пал он на колени перед Филаретом. — Прости великодушно! Я тебя обманывал... А когда ты велел мне вынести денег, имение-то и стгорело! Вот они, триста рублей...

— Оставьте их себе, они теперь-то уж точно пригодятся. Бог простит вас, да больше уж так не поступайте, — отвечал ему святитель.

Вспоминали случай, как Филарет исцелил немую девушку. В семь лет она увидела волка и так испугалась, что потеряла дар речи. До двадцати лет изъяснялась только знаками, ни словечка не могла вымолвить. Мать привезла ее к святителю, и тот спросил:

— Как тебя зовут?

И вдруг девушка, тринадцать лет молчавшая, тихо выдохнула свое имя. Он встал с нею вместе на колени перед образами и прочел молитву Иисусову: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного”. Заставил повторить. Девушка с трудом, но справилась.

— А теперь давай вместе, да смелее!

И они вместе несколько раз прочитали ту же молитву. С той поры девушка навсегда избавилась от немоты.

В письмах святителя Филарета к преподобному Антонию, за какой год ни возьми, постоянно мелькают просьбы о финифтяных иконках, производившихся в Троице-Сергиевой лавре: “Имею нужду в финифтяных иконках, прошу по возможности прислать побольше”. Маленькие и изящные финифтяные иконки он любил самозабвенно, любовался ими, а главное — дарил. Если кто-то приходил к нему не как тот шаловливый прогрессивный барин, а с настоящей нуждой, с тяжкой бедой, с неизбывным горем, владыка как мог утешал, помогал словом или деньгами, советовал что-то или запрещал необдуманные поступки, и всякий раз в таких душевных случаях дарил финифтяную иконку:

— В честь какого святого крещен? Иоанна Воина? Вот тебе Иоанн Воин, не расставайся с этим образком, молись ему, он всегда будет тебе защитой и помощью.

— Как звать? Евфросиния? В честь Евфросинии Полоцкой? Получи от меня ее образок, будет тебе оградой от злых дел.

— Как, говоришь, фамилия того, кто тебя обижает? Львов? Вот тебе иконка первоотшельника аввы Павла Фивейского, коему два льва служили. Он их укрощал, да так, что они других львов от его обители отгоняли.

У одного московского купца в руке началась гангрена, или, как тогда говорили, антонов огонь. Врачи назначили день, когда руку отрезать. Но пришла знакомая раскольница и с усмешкой спросила:

— А чего это вы не попросите своего митрополита, чтобы он чудо совершил? Вы же говорите, что он чудотворец!

Родные несчастного купца отправились на Троицкое подворье. Филарет, выслушав их, тотчас призвал приходского священника и приказал тому совершить литургию и приобщить больного Святых Таин, а руку не отрезать. Так и сделали. И помогло — антонов огонь стал стихать. Сорок дней усердно молились, и за это время рука полностью выздоровела.

У одного священника дочь страшно страдала головными болями. Тот отправился к Филарету, святитель дал ему свою скуфью, чтобы надеть на голову больной. Так и сделали, и вскоре девушка чудесно исцелилась.

Многие люди просто перед своим исцелением видели во сне святителя Филарета, который приходил к ним с благословением. Многие рассказывали о том, как они подходили к святителю под благословение и прикладывали его руку к больным местам на лице, плечах или груди, и вскоре получали исцеление. Многие пьяницы, получив благословение владыки на трезвый образ жизни, переставали пить на всю жизнь. Точно так же исцелялись от него и бесноватые.

Некий крестьянин по дороге в Москву попал в метель, сбился с дороги, в изнеможении упал и находился в сильном страхе быть замерзшим. Но вот он увидел приближающуюся к нему тень и, полагая, что это какой-нибудь зверь хочет его растерзать, начал творить молитву Богу. По приближении тени он увидел старца небольшого роста в черной рясе и шапочке, который спросил его, кто он и откуда. И когда крестьянин объяснил ему все подробно, старец взял его за руку и сказал:

— Что ты так упал духом, встань, я доведу тебя.

Крестьянин, чувствуя, что его силы обновились, встал, и они вдвоем легко дошли до селения. Здесь старец произнес:

— Оставайся, Господь с тобою, теперь ты вне опасности.

Крестьянин со слезами благодарности, упав на колена, спросил, за кого он должен молиться. Старец ответил:

— Молись за Филарета Московского, — и с этими словами стал невидим.

На другой день крестьянин пришел в Москву, ходил по разным монастырям, искал своего избавителя, покуда один купец не надуумил:

— Вероятно, тебя спас наш митрополит, — и указал ему дорогу на Троицкое подворье. Там, увидев святителя, выходящего из кареты, он упал пред ним на колени:

— Вот мой избавитель!

Владыка велел ему замолчать и следовать за собою в комнаты, где крестьянин рассказал ему все подробно. Выслушав его, Филарет сказал:

— Не приписывай этого мне, но молись преподобному Сергию — это он тебя сохранил.

И подарил ему финифтяной образок Сергия Радонежского.

Во время пасхальных праздников пришли как-то к Владыке великосветские дамы, и одна из них спросила митрополита:

— Почему Спаситель по воскресении Своим явился сперва женам-мироносицам?

Святитель ответил:

— Потому что женский пол очень болтлив, а надо было, чтобы это событие стало известно всем как можно скорее...

Таких рассказов было много, все они передавались московскими жителями из уст в уста, расходились по всей Руси великой.

Точно не известно, когда именно святитель Филарет составил свою собственную молитву ко Господу, ведомо лишь, что все последние годы жизни он постоянно читал ее, добавляя к общему чину православных молитв:

“Господи: не знаю, чего мне просить у Тебя? Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя. Отче! Дай рабу Твоему — чего сам я и просить не умею. Не дерзаю просить — ни креста, ни утешения! Только стою пред Тобою; сердце мое — отверсто. Ты зриши нужды, которых я не знаю. Зри! — и твори со мною по милости Твоей: порazi и исцели, низложи и подыми меня. Благоговейно и безмолвную пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Предаю Тебе. Нет у меня желаний,

кроме желания — исполнить волю Твою... Научи меня молиться. Сам во мне молись”.

Достоинейшим преемником святителя Филарета на Московской кафедре стал Иннокентий (Вениаминов), “добрый служитель Божий”, как называл его сам Филарет.

В год кончины Филарета архиепископу Иннокентию исполнилось семьдесят лет, он плохо видел, слабел и просился на покой в монастырь, но Московский митрополит ответил ему отказом: “Господь да скажет Вам, что Ему благоугодно, и Вам и Церкви Его полезно”. 5 января 1868 года владыка Иннокентий был назначен вместо скончавшегося владыки Филарета митрополитом Московским и Коломенским.

Во всем подражая своему предшественнику, митрополит Иннокентий оставался московским архиереем до самой своей кончины 31 марта 1879 года, и похоронили его в Духовском храме Троице-Сергиевой лавры, рядом с могилой его друга и наставника митрополита Филарета. Там же рядом был похоронен и преподобный Антоний, родившийся в мир невидимый 12 мая 1877 года, прожив ровно столько же, сколько его друг и духовный сын Филарет.

Дело святителя Филарета продолжилось, полный перевод Библии на русский язык был осуществлен. С каждым годом издавались его сочинения. В январе 1883 года прошло празднование столетнего юбилея Московского Златоуста. Основные торжества проходили в Чудовом монастыре в Кремле. Вскоре после этого Синод под редакцией архиепископа Тверского Саввы выпустил в свет многотомное “Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам”.

Тела Филарета, Антония и Иннокентия мирно покоились в своих гробах, к которым ежегодно притекало множество верующих. И многие получали исцеление или душевное утешение, побывав рядом с их святыми останками.

Но наступило безбожное время, и произошло то, о чем в кондаке святителю Филарету сказано: “от безбожных поругание и поношения приял еси”. В годы кампании по вскрытию святых мощей безбожники прошли мимо захоронения Филарета, Антония и Иннокентия, но перед самой войной их нечестивые руки добрались и до этих могил. В 1938—1940 годах все пристройки вокруг Духовской церкви были разобраны. Все три погребения были вскрыты и разорены. Остались воспоминания свидетелей о том, что глава митрополита Филарета оказалась нетленной, а человек, совершивший святотатство, спустя всего несколько дней трагически погиб.

Останки снова были зарыты, а место, где стояла церковь, сровняли с землей. И это уже происходило в те дни, когда вся страна трещала под железным натиском фашистской Германии. В августе 1941 года все работы были завершены. Отныне трудно было догадаться, где именно находятся останки трех святых XIX века. После войны место вдобавок ко всему и заасфальтировали, а еще позже покрыли бетонными плитами. Полвека фундамент храма Сошествия Святого Духа и три священные могилы скрывались под толщей земли, асфальта и бетона. Над ними ходили люди.

В XX столетии человеком и пастырем, равновеликим святителю Филарету, безусловно, стал святейший патриарх Алексий II. Он и начинал свое епископское служение, как Филарет, с ревельской кафедры. Именно по его благословию начались поиски останков и подготовка к канонизации митрополита Филарета.

...Воскрес и вновь засиял над Москвой величественный храм Христа Спасителя, созданный архитекторами и художниками, вдохновленными идеями святителя Филарета. Храм сей — одно из его главных детищ, и Богом внушена была патриарху Алексию II о том, чтобы мощи святителя Филарета покоились именно здесь, чтобы они стали главной святыней храма.

9 июня 2004 года состоялось торжественное перенесение честных мощей святителя Филарета Московского из Свято-Троицкой Сергиевой лавры в Храм Христа Спасителя.

И сейчас, вступая под гулкие своды храма, мы первым делом должны устремиться туда, где справа от алтаря покоится Московский Златоуст.